

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2010

9 772219 379000

Об императрице Анне Иоанновне *читайте на стр. 4*

Луи Каравакк,
Портрет Анны
Иоанновны, 1730

	Нам пишут	3, 62
<i>МИНУВШЕЕ</i>	Анна КрОВАЯ Светлана Бестужева-Лада	4
<i>РАССКАЗ</i>	Почти по Хармсу Варвара Клюева	14
<i>ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ</i>	Продавец мечты Евгения Гордиенко	28
<i>ИСТОРИЯ ШЕДЕВРА</i>	Возвращение «Валли» Ирина Опимах	33
<i>НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ</i>	Долгожданная находка Денис Логинов	41
<i>ЛОГУНОВА ШУТИТ</i>	Милый, милый людоед Елена Логунова	49
	Конкурс одного стихотворения Ирина Копаянко, Николай Вересень	54
<i>ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ</i>	Разговоры за чайным столом И. Ильф, Е. Петров	56
<i>ДЕТЕКТИВ</i>	Презентация убийства Людмила Кушпель	63
	Кроссворд, Зрудит	108

Главный редактор

Михаил Григорьевич Кизилов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ:

Редактор

Тамара Васильевна Чичина

Литсотрудник

Светлана Михайловна Подорванова

Выпускающий редактор

Светлана Викторовна Гуркина

Дизайнер

Валерий Иванович Харламов

Корректор

Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации

Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»
Исключительные права на тек-
стовые и фотоматериалы, пу-
бликуемые в журнале «Смена»,
принадлежат ООО «Журнал
«Смена» и охраняются в соот-
ветствии с законодательством
РФ и международными согла-
шениями.

Шрифты: ParaType

Макет:
Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени
«Чеховский полиграфический
комбинат»:
142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.
Зак. № 5018
Цена свободная
Номер подписан в печать:
15.10.2010

Здравствуйте, уважаемая редакция
журнала «Смена»!
Захотелось замолвить слово о Светлане
Бестужевой-Ладе и Денисе Логинове.

Читаю «Смену» я не всю.
И, если честно, выбираю.
Статьи двух авторов люблю,
Всегда их первыми читаю.

Конечно, хочется узнать:
«Да кто же, кто они такие?..»
Я так хочу им передать:
«Пишите больше, дорогие!»

Денис, Светлана, пожелать
Позвольте мне чистосердечно
И впредь все так же вам писать —
С душой, правдиво. И о вечном...»

С уважением, Наталья Киселева,

Краснодарский край, станица Некрасовская

АННА КРОВАВАЯ

Светлана Бестужева-Лада

Об этой женщине, десять лет просидевшей на российском престоле, историки либо предпочитают вообще не писать, либо обходятся невнятной скороговоркой: после смерти юного Петра Второго на престол была призвана дочь царя Иоанна Пятого Анна, герцогиня Курляндская. У нее был фаворит Бирон, и ей Россия обязана появлением Царь-колокола.

Все. Только сравнительно недавно начали появляться статьи и очерки об этой русской императрице. Императрице страшной, жестокой, необразованной, залившей страну кровью совершенно невинных людей. Темное пятно на российской истории. Можно даже сказать — грязное.

От первой жены царя Алексея Михайловича Марии Ильиничны Милославской остались в живых двое сыновей: Федор и Иоанн. Оба слабые и болезненные, Иван к тому же еще и слабоумный. Единственное, что его занимало, это церковные службы, их он мог отстаивать сутками напролет.

Луи Каравакк.

Портрет Анны

Иоанновны, 1730 г.

Дворцовые перевороты и стрелецкие бунты «вынесли» шестнадцатилетнего Иоанна почти на вершину власти: его сделали царем вместе со сводным братом Петром, а выше них стала правительница — царевна Софья, старшая сестра Иоанна. Она же решила женить брата, дабы его потомство заняло место на троне, а ненавистного Петра, сына «худородной» Нарышкиной, можно было бы от власти вовсе отстранить.

Восемнадцатилетний Иоанн был обвенчан с двадцатилетней Прасковьей Салтыковой — здоровой, красивой и разумной девицей. Через два года после свадьбы царица Прасковья забеременела — к великой радости царевны Софьи. Радость, впрочем, оказалась преждевременной: родилась дочь Екатерина. Потом — Анна, потом — Прасковья. Еще две дочери умерли во младенчестве. Царь Иоанн не пережил кончины последней дочки и скончался от тоски и меланхолии.

Случилось это в 1696 году, когда на троне уже прочно сидел Петр, Софья томилась в монастыре, Россию трясло в коренных переменах, войнах, бунтах, а три царевны безмятежно подрастали в селе Измайловском, во дворце, который выбрала для себя овдовевшая царица Прасковья.

У Петра были свои представления о будущем племянниц. Екатерину он выдал замуж за герцога Мекленбургского, руководствуясь при этом исключительно политическими соображениями. А Анна осенью 1710 года была обвенчана с Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским. Больше месяца гуляли с таким размахом, что молодой герцог не вынес русских излишеств и внезапно скончался на пути в Курляндию, оставив Анну молодой вдовой в стране, языка которой она не знала.

Анна рванулась было на родину — к маменьке, но грозный дядюшка приказал «сидеть на Митаве неуклонно и интересы российские блюсти».

Все 19 лет, прожитые Анной в Митаве, ей приходилось униженно кланяться деньгами у богатых родственников, чтобы хоть как-то содержать свой небольшой двор. Нельзя сказать, чтобы это положительно повлияло на ее характер: она стала скупой, черствой и вконец ожесточилась.

В 1727 году во время охоты, к которой Анна Иоанновна питала настоящую страсть, ей встретился молодой курляндец не слишком знатного рода, но зато красивый, ловкий, неутоми-

мый охотник, большой любитель лошадей, собак и ружейной стрельбы. В общем, родственная душа — Эрнст Иоганн Бирон. Вскоре он уже поселился в герцогском замке и... женился на одной из фрейлин герцогини: горбатой и уродливой Бенигне фон Трота.

Высокое происхождение невесты делало ее внешность несущественной. Герцогиня нежно опекала новобрачных и даже отвела им покои рядом со своими. Она все крепче привязывалась к Бирону, хотя и вызывала этим брезгливое недовольство курляндского рыцарства. Вскоре госпожа Бирон родила сына Петра, и Анна Иоанновна, естественно, стала его крестной матерью, а через несколько лет крестила и второго их сына, Карла.

В России, фактически забывшей про Анну, внезапно скончался юный император Петр II — внук Петра I. Тут же собрался Верховный тайный совет: дело было нешуточное, неясно, кто должен унаследовать трон. Заговорили о первой жене Петра Великого, жившей в монастыре как старица Елена, но у нее сторонников не нашлось. Монахини на российском престоле еще не сиживали.

Дочери Петра? Анна к тому времени уже умерла, а ее сын был еще ребенком, да и вообще, наполовину немец. Елизавета? Все бы хорошо, да красавица цесаревна не ко времени оказалась беременной от одного из своих любовников. Нельзя же такую на трон сажать, да и мужа ей не подберешь, брюхатой-то.

Очевидец тех событий, церковный деятель Феофан Прокопович, писал, что среди членов совета «долго разглагольство было о наследнике государе с немалым разгласием. Но когда произнеслось имя Анны... тотчас чудное всех явилось согласие...»

Верховный совет в количестве восьми человек, согласившись звать Анну на царство, пожелал официально ограничить монаршью власть и покончить с самодержавием. Ради этого были составлены печально известные «Кондиции».

«Верховники» отправили на Митаву пышное посольство во главе с Василием Лукичом Долгоруким. Подпишет Анна «Кондиции» — быть ей русской императрицей. Не подпишет... Но о втором варианте думали мало — короны на земле не валяются, тем паче такие, как российская.

*Анна Иоанновна.
Хромолитография, 1853 г.*

Анна посольство «верховников» приняла и даже вроде бы согласилась подписать «Кондиции», хотя последний пункт о семействе Бирона — «особливо невнятную персону Эрнеста Бирона со чадами и домочадцами в Россию не привозить» — поверг ее в ярость. Но тут она словчила: поехала в Москву как бы одна, в сопровождении лишь немногих внешне безобидных придворных, а карета Бирона следовала за царским поездом на приличном расстоянии.

Анна ввела в заблуждение не только «верховников», но и своих сторонников-оппозиционеров. Те сильно приуныли, решив, что будущая императрица на все согласилась, и теперь восемь «верховников» заберут себе всю полноту власти. Только один человек, пожалуй, соблюдал абсолютное спокойствие. Звали его Андреем Ивановичем Остерманом, и был он вице-канцлером, то есть персоной достаточно высокой. Но в трудные для России дни мастерски прикидывался смертельно больным и не выходил из дома, пока им же сплетенная интрига не заканчивалась благополучно в его же пользу.

Запомним это имя. Он, а не Бирон, которого потом проклинали все, кому не лень, был истинным вдохновителем кровавого царствования Анны Иоанновны.

В феврале 1730 года возок Анны Иоанновны остановился в селе Всесвятское, у дома грузинского царевича Арчилова. Туда же прибыл почетный эскорт — батальон Преображенского полка и эскадрон кавалергардов. Анна, славных воинов поприветствовав, объявила себя полковником Преображенского полка и надела на себя красную орденскую ленту.

А к торжественному въезду в Москву новой императрицы гвардия уже действовала вовсю: было составлено проше-

ние к самодержице не слушать «верховников», а править самой без ограничений. Подписались под этим прошением почти 300 человек.

При поддержке дворянства и, главное, армии, Анна решилась: прилюдно порвала листы ненавистных «Кондиций» и объявила себя самодержицей российской. Именно в этот момент во дворце появился «чудом исцелившийся» от смертельного недуга Андрей Остерман, который прекрасно понимал, кто теперь будет править Россией на самом деле.

Так кончилась десятидневная конституционно-аристократическая русская монархия XVIII века, созданная в результате четырехнедельного временного правления Верховного совета. «Верховников» и немногих недовольных до поры разогнали по домам. Гвардии и сторонникам Анны достались награды, должности, поместья, крепостные души. А во дворце тихонечко поселилось семейство Биронов. Снова, как и в Митаве, рядом с покоями самой императрицы.

И начались коронационные торжества, праздник, который продолжался десять лет — все время правления Анны. Бывшая герцогиня Курляндская, а ныне владычица всяя Руси дождалась своего звездного часа. Балы сменялись охотой, за обильным столом порой сидели сутками, пили и ели так, что гостей иногда выносили замертво. Анна не любила и побаивалась трезвых, терпеть не могла «умников», зато привечала дураков, шутов, карликов, всяческих уродцев, мосек, попугаев...

По случаю своей коронации Анна назначила Бирона обер-камергером «с рангом действительного генерала». В том же году он получил диплом на титул графа Священной Римской империи и за несколько лет из малоимущего дворянина превратился в миллионера-аристократа.

Боялся Бирон только одного: кончины Анны. Хотя императрица обладала железным здоровьем, излишества за столом (и не только) постепенно его подрывали. Лестью и ласками Бирон вынудил императрицу переехать в Петербург, поближе к Европе, дабы в случае чего легче было бежать. А там занялся своим единственным любимым делом: коневодством. Конюшни Бирона были роскошнее иного дворца в Европе.

Через какое-то время императрица, почувствовав, что на престоле она утвердилась достаточно прочно, начала

сводить счеты со своими «мучителями». Первыми пострадали Долгорукие — сперва им было приказано тихо сидеть дома и нигде не бывать, а потом... потом бывшую «государеву невесту» с родителями, братьями и сестрами отправили в Березов — глухой городишко на севере Сибири, а дипломата Василия Лукича посадили в подземную тюрьму на Соловках, где он провел без малого семь лет.

Чуть меньше пострадали Голицыны — их просто оставили в забвении. Императрица боялась расправляться сразу с несколькими знатнейшими семействами, играла со своими жертвами, как кошка с мышкой. Но уж очень жестокими порой были эти игры: князя Михаила Голицына, например, сделали придворным шутком с прозвищем Голицын-Квасник — как-то Анна Иоанновна изволила вылить ему на голову недопитый квас, при этом князь сидел без штанов в лукошке с куриными яйцами.

В общем, в задних комнатах дворца было весело, в парадных — пышно и празднично, а за стенами дворца захлебывалась в крови и погибала от голода вся остальная Россия. Государственная казна была практически пуста, голодавшие крестьяне тысячами бежали от своих помещиков, да и сами помещики порой с трудом сводили концы с концами.

Первое, что сделала Анна во время своего «мудрого правления», — это восстановила «Тайный приказ», где из людей пытками вымучивали признания в несовершенных преступлениях и тысячами казнили или, вырвав ноздри и заклеив, ссылали в Сибирь. Каждый российский подданный под страхом смерти был обязан донести об известных ему умыслах против императрицы или членов ее семьи, об оскорблении императорского имени и титула, о государственной измене, при этом проносилось условное выражение: «Слово и дело». Донесший на «преступника» получал половину его имущества, а вторая половина исправно поступала в казну. Всех сосланных в Сибирь насчитывалось около 20 тысяч человек. Всего же разного рода репрессиям подверглось более 30 тысяч. Взрослое население Российской империи сокращалось, тяжелые подати и повинности разоряли людей, заставляя их покидать обжитые места. (Все эти события жестокого и нелепого десятилетнего прав-

ления Анны Иоанновны описаны в романе Валентина Пикуля «Слово и дело».)

Но, как ни странно, при Анне каким-то чудом восстановила былую славу русская армия под командованием Бургхарда Миниха. В частности, хоть и с превеликим трудом и потерями, был взят польский город Данциг, и на польский престол посажен угодный России король Август, возместивший ущерб своим благодетелям суммой в миллион золотых.

Поверив в полководческий талант Миниха, императрица отправила его «воевать Азов». Осада крепости длилась почти два года, но русской армии за это время удалось проникнуть в Крым, дотла спалить Бахчисарай и до полусмерти напугать турок, привыкших к мысли о неприступности Крыма. Азов наконец пал, и в Петербурге по этому поводу были «превеликие торжества».

Весной 1737 года почти без боя был взят Очаков, считавшийся неприступным. А через год русская армия очистила от турок Молдавию, но... австрийцы-союзники спешно подписали с турками мир, и турецкая армия развернулась всей своей громадой против россиян. Победители в один миг превратились в побежденных. По Белградскому мирному договору к России переходили Азов и Таганрогский порт, которые не должны были укрепляться и обустраиваться. Россия не могла иметь свой флот на Черном море, но ей разрешалось использовать для торговых перевозок турецкие корабли.

Гнев Анны был неописуем, но, поскольку виновником сей конфузии оказался Остерман, дело обошлось малым криком.

Отыгралась Анна на старых врагах — Долгоруких и Голицыных. Членов старинных семей десятками везли в Тайную канцелярию из дальних ссылок, тюрем и монастырей. Четвертовали, колесовали, рубили головы, постригали женщин в монахини, предварительно исполосовав кнутом. Кровавую вакханалию остановило известие о том, что племянница, Анна Леопольдовна, в тягости.

Обрадованная новостью императрица в четыре часа утра (!) собрала в тронном зале всю высшую аристократию и заставила присягать тому, кто находился еще во чреве ее пле-

мянницы. За стенами зала стояли вооруженные караулы — поди не присягни...

12 августа 1740 года царский дворец озарился яркими огнями: принцесса Анна родила сына, названного в честь прадеда Иоанном и сразу же ставшего императором Иоанном Пятым. Радости императрицы не было предела: она тут же отобрала внука у родителей и самолично с ним нянчилась.

Но ее время заканчивалось. В октябре императрица почувствовала себя настолько скверно, что слегла и уже больше не вставала. Точного диагноза врачи так и не смогли поставить: Анна требовала, чтобы ее величество осматривали исключительно через одеяло, желательно без прикосновений. Соответственно и лечили — наугад и без особой пользы. Лишь посмертное вскрытие показало, что скончалась Анна Иоанновна от желчекаменной болезни и камней в мочевом пузыре.

17 октября императрица велела позвать духовенство и попросила читать отходную.

— Простите все, — произнесла она и тут же скончалась.

Кончилось самое, пожалуй, кровавое десятилетие в российской истории, во всех ужасах которого совершенно несправедливо обвиняли Бирона. Ему дела не было ни до внешней, ни до внутренней политики, он лишь догадывался о существовании Тайной канцелярии и из дворца выезжал лишь на приемы к вельможам да в свой любимый Манеж — к лошадям.

Через сорок дней после смерти Анны Иоанновны Бирон лишился регентства и свободы: Остерман, Миних и родители императора-младенца сослали его в Сибирь, в Пелым, где острог для него был построен по чертежам самого Миниха. История любит пошутить: всего через год в этом самом остроге оказался сам Миних, а Бирона перевезли в Ярославль, где он и дожил до воцарения Петра Третьего.

В период царствования Анны Иоанновны «дщерь Петрова» Елизавета Петровна сидела тише воды, ниже травы — то в Александровской слободе в Москве, то в Смольной деревне — когда двор переехал в Санкт-Петербург. Получала грошовое содержание, по обязанности являлась на самые важные придворные церемонии и до смерти боялась «тетеньку», как она называла императрицу. Хотя Анна приходилась ей двоюродной сестрой.

В. И. Якоби. *Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны (фрагмент), 1872 г.*

Немцы Елизавету откровенно не замечали, часть российских вельмож иначе как «шлюхой, дочерью шлюхи» и не величала, остальные соблюдали осторожность: дочь Петра была очень популярна в армии. Солдаты помнили ее великого отца и вполне могли учинить переворот в пользу «душеньки-цесаревны», которая и в гости к ним захаживала, и детей их крестила, и еще была от двора гонимая.

Как Елизавета уцелела в кровавой карусели тех лет — загадка. Возможно, благодаря тому, что Бирон держал Елизавету у себя на виду, чтобы в случае чего заслониться ею от народного гнева.

На престол ее посадили, можно сказать, силой. Солдаты, принимавшие участие в свержении регента Бирона, были уверены, что расчищают дорогу к трону «душеньке-цесаревне». А когда выяснилось, что старались ради матери императора Иоанна Пятого, «правительницы» Анны Леопольдовны с супругом, недовольство начало быстро распространяться по полкам. И закончилось свержением «Брауншвейгской фамилии» и воцарением Елизаветы.

Но это уже совсем другая история. ◻

Варвара Клюева

Почти по Хармсу

Старший участковый уполномоченный Глеб Палыч Баранников безглаголиво разглядывал лежавшую на столе анонимку. Эпистола, выполненная ровными, не иначе как по линейке, печатными буквами, доводила до сведения начальника отделения милиции майора Манькина, что мужчина, проживающий по адресу Успенский переулок, 12, квартира 29, растлил школьницу и сожительствует с нею. Подписан пикантный документ был простенько и со вкусом: «Бдительные граждане».

Всего четверть часа назад Глеб Палыч вернулся с обхода территории в прекрасном настроении и, кажется, даже что-то насвистывал себе под нос. День выдался погожим, запланированные на утро дела закончены, до вечернего приема еще больше часа. Можно спокойно посидеть в опорном пункте и попить чайку... Ага, как же! Стоило Баранникову включить чайник и распаковать любовно приготовленные бутерброды, как в опорный пункт впорхнула сержант Лидочка, она же секретарша Манькина, шмякнула на стол проклятую бумажонку и со словами: «Это

по вашу душу, Палыч, Манькин велел срочно разобраться. Нашли себе курьера!» — упорхнула обратно в отделение.

Одного взгляда на писульку Баранникову хватило, чтобы напрочь лишиться аппетита. Проклятые анонимки сидели у него в печенках. Сколько доносов, выписанных этими аккуратными буквами, ему пришлось проверять? Глеб Палыч давно сбился со счета. И ладно бы хоть в одной кляузе содержалось бы полсловечка правды. Так нет ведь, все ложь! А скомкать бумажонку и выкинуть в корзину для мусора нельзя: однажды Баранников так и сделал и получил от начальства по мозгам.

Он тоскливо посмотрел на вскипевший чайник, потом на окно, за которым уже падали первые капли дождя, вздохнул, надел плащ, вытащил из-за шкафа запылившийся зонт и пошел выполнять начальский приказ.

До дома номер двенадцать по Успенскому переулку было двадцать минут неспешного ходу, и весь этот путь Баранников сладко грезил о том, с каким наслаждением свернул бы шею гражданке Сидоровой Октябрине Егоровне.

Да, Глеб Палыч давно вычислил анонимщицу. И даже пытался несколько раз припугнуть старуху Сидорову, или С. С., как он ее называл, судебным преследованием либо иском за клевету. Но С. С. оказалась крепким орешком, ее не смогли прищучить даже ребята из ФСБ четыре года назад, когда она строчила доносы на соседа Ису Гуссейнова из 33-й квартиры, инкриминируя безобидному азербайджанцу связь с чеченскими боевиками и участие в терактах. Баранников тогда поделился со смежниками своими подозрениями, давно переросшими в уверенность, и упросил их сдать анонимки в лабораторию на предмет отпечатков и прочих улик. Но старуха Сидорова, просвещенная криминальными сериалами, следов не оставляла. Буквы писала по линейке-шаблону для первоклашек, бумагу и конверты голыми руками не трогала, слез на письма не лила и волос не роняла. В общем, никаких доказательств ее преступной деятельности смежникам найти не удалось. Правда, припугнуть старуху припугнули. С тех самых пор анонимки про террористов в отделение не приходили. Зато ручеек кляуз на злодеев попроще: самогонщиков, истязателей стариков и животных, содержателей борделей и наркопритонов, растлителей детей, — не иссякал. Подпитываемая телевидением фантазия С. С. цвела пышным цветом.

Дом номер двенадцать представлял собой пятиэтажный куб с двором-колодцем. Его, как и многие дома в центре города, облюбовали многочисленные фирмочки. Крупные компании, как правило, выкупают или арендуют дома целиком, а рыбешка помельче довольствуется офисами из нескольких объединенных квартир первых и вторых этажей. Часть двора занимала небольшая охраняемая автостоянка, отвоеванная у местных жителей фирмой «Хонор» (консалтинг и аудит), занимающей практически весь первый этаж. Когда Баранников вынырнул из подворотни, во дворе было пусто, лишь охранник стоянки Игорь уныло курил, кутаясь в камуфляжную плащ-палатку. Капитан поздоровался с ним, как со старым знакомым.

— Во второй подъезд? — сочувственно спросил Игорь, глядя на окно пятого этажа, в котором маячила С. С. — Опять Егоровна зажигает?

— Ага, — Глеб Палыч посмотрел на старуху и демонстративно сплюнул.

— И кто на этот раз? Маньяк-людоед? Тетка-отравительница? Подпольная бактериологическая лаборатория?

— Слава богу, нет, — усмехнулся Баранников. — Всего лишь растлитель малолеток, новый жилец из двадцать девятой. По крайней мере, шокировать людей не придется. Скажу, что пришел познакомиться, попрошу паспорт, и дело с концом.

— Ну да, с людоедами пришлось бы повозиться. Эх, работенка у тебя, Палыч, не позавидуешь!

Баранников кивнул и пошел к подъезду. Двадцать девятая квартира находилась на четвертом этаже. Лифта в доме не было. Крутая лестница вкупе с пивным животом основательно осложнили подъем не юному участковому. До места он добрался, пыхтя, как паровоз. Пришлось даже немного постоять перед дверью, чтобы отдышаться. Когда он нажал на кнопку звонка, внизу, где-то на первых этажах, завизжала дрель.

— Добрый день, я ваш участковый, Баранников Глеб Палыч...

— Ничего не слышу! — улыбувшись, помотала стриженной головой симпатичная худенькая девушка, открывшая милиционеру дверь. — Проходите в квартиру!

Глеб Палыч с сомнением посмотрел на чистый пол прихожей, на лужу, натекшую с зонта, и на свои мокрые ботинки.

— Не стоит! — крикнул он. — Наслежу! Я ваш участковый, зашел на минутку, познакомиться! Можно взглянуть на ваш паспорт?

— Ага, сейчас.

Девушка ушла в комнату, а Баранников тем временем осматрелся. На вешалке висел недорогой женский плащ веселенькой голубой расцветки, два или три разноцветных шарфика, сумочка и черная мужская кожанка. Под вешалкой ровным рядком стояли сапожки, туфли на шпильках и клетчатые шлепанцы размера эдак сорок четвертого.

— Вот! — девушка выбежала в прихожую с темно-красной книжицей наперевес и сунула ее в руку участковому. — Только я тут не прописана, — добавила она менее радостно.

Баранников открыл паспорт. Богданова Нина Васильевна, 1989 года рождения. Пролистнув несколько страниц, он увидел свеженький загсовский штамп. Три недели назад Нина Васильевна сочелась законным браком с Пановым Олегом Дмитриевичем, 76-го года рождения.

— Поздравляю! — Баранников широко улыбнулся. — А супруга, как я понимаю, нет дома?

— На работу ушел.

— Ну, что же, счастья вам, молодожены! Возьмите вот мою визитку. Звоните, если какие сложности возникнут. Не дай бог, конечно, но всякое бывает... — Баранников лихо взял под козырек, шагнул на лестничную клетку и, все еще улыбаясь, закрыл за собой дверь.

Но стоило ему вспомнить об С. С., как глуповатая добродушная ухмылка сползла с его лица.

«Старая ведьма! Зайти, что ли, наорать как следует? Помочь не поможет, так хоть душу отведу... Ну да, а потом она ответит душу, накатав очередную телегу начальству. Ну ее к дьяволу!»

И Глеб Палыч поплелся вниз.

Первое, что попало ему на глаза, когда он вышел из темноты парадного, было большое яркое сине-красное пятно, вдруг расцветшее на асфальте тротуара. Еще ничего не понимая, Баранников поднял голову и уставился на окно пятого этажа, где буквально несколько минут назад маячила старуха Сидорова. Окно было широко распахнуто, и старуха там больше не маячила. Она растекалась кровавым пятном в трех метрах от ботинок старшего участкового.

Глеб Палыч вышел из транса только тогда, когда к нему подбежал Игорь со стоянки.

— Мать честная! Палыч! Я всего минуту назад за кофе побежал... — он потряс пластиковым стаканчиком, который сжимал в руке. — И все в порядке было... Как же это, а? Вот дура старая! Кто же в дождь окна моет?!

При этих словах в голове Баранникова сложилась картинка, совместившая разрозненные и нелепые фрагменты: назойливое торчание С. С. на подоконнике, допотопный волосатый лыжный костюм, облекший старческое тело, и пук мятой мокрой газеты в руке покойницы.

— Ты это серьезно? — спросил он охранника. — Насчет минуты? Дошел до кофейного автомата, налил кофе и тут же вышел?

— Ну... Еще с Толяном на входе парой фраз перекинулся. И с Ирочкой из приемной.

— Ясно. Сразу после нашей с тобой встречи, что ли, ушел?

— Ну... да.

— А до меня здесь кто-нибудь проходил?

— Ну... проходили, конечно. Двор ведь. Фирмы опять же...

— Непосредственно передо мной? В этот подъезд?

— Не, перед тобой не проходили. В подъезд последней Татьяна вошла с третьего этажа. В магазин ходила около двенадцати. А ты почему спрашиваешь, Палыч? Думаешь...

— Ничего я не думаю. Мобильник есть? Позвони к нам в отделение. И своим, пусть принесут что-нибудь, труп прикрыть. Постой тут, последи, не выйдет ли кто. Незнакомых постарайся задержать до приезда наших, или хотя бы документы спроси. Я сейчас. — Баранников шагнул к подъезду, снова обернулся. — Игорь, а ты до моего прихода никуда не отлучался?

— В половине второго на полчаса обедать уходил. А так с утра здесь, как штык... Нет, еще за плащом в офис бегал, когда дождь начался. Палыч, ты думаешь, она не сама выпала?

— Не знаю я! — буркнул Палыч и скрылся в доме.

Он и правда не понимал, почему падение С. С. кажется ему подозрительным. Старухе сто лет в обед, давление небось зашкаливало... Мыла окно, голова закружилась, и привет. Отчего же ему злой умысел мерещится? Не иначе, совесть покоя не дает, ведь получаса не прошло, как Глеб Палыч в мечтах сладострастно сжимал старухино горло. А уж если С. С. довела до таких мечта-

ний его, то как же она должна была достать соседей, на которых писала кляузы!

На этот раз Баранников, обратившийся в одно большое чуткое ухо, даже не заметил, как добрался до четвертого этажа. Позвонил в двадцать девятую, бросил с порога:

— Вы не слышали, после моего ухода сверху никто не спустился? Там женщина из окна выпала. Можно, я от вас позвоню? — и, не дожидаясь ответа, отодвинул остолбеневшую девушку в сторону. Вломился в комнату, споткнулся, неловко схватился за дверцу шкафа, но на ногах все равно не удержался.

— Вам нехорошо? — тревожно спросила Нина.

— Нет-нет, все в порядке, — заверил Палыч, убедившийся, что ни в шкафу, ни под диваном не прячется чудесным образом объявившийся новобрачный. — Хотя... водички можно попросить?

И, опять-таки без разрешения, потопал за хозяйкой на кухню, мимоходом заглянув в ванную и в туалет. Выпил залпом кружку воды, поблагодарил и устремился к выходу.

— А позвонить? — крикнула ему в спину остолбеневшая хозяйка.

Баранников только рукой махнул. Он мчался наверх, на пятый этаж. Вход в квартиру старухи Сидоровой преграждала хлипкая двустворчатая дверь, вышибить которую не составило бы труда. Но Глеб Палыч оставил это удовольствие коллегам, а сам лишь прикинул глазом к внушительной скважине древнего замка. Ключ был на месте — с внутренней стороны.

«Ты перегрелся, — строго сказал себе Баранников. — С. С. вывалилась из окна совершенно самостоятельно. Типичный несчастный случай».

Но внушение не подействовало.

Участковый позвонил в дверь тридцать пятой квартиры. Здесь жила семья Малаховых, которой Глеб Палыч очень сочувствовал. Муж и жена, обоим чуть за шестьдесят, и мать мужа, последние десять лет пребывавшая в глубоком маразме. Больная на всю голову, во всем остальном бабка отличалась отменным здоровьем. И исключительной вредностью. Днем и ночью старшая Малахова орала дурным голосом, обвиняя домочадцев в намерении сжечь ее со свету, уморить голодом, обокрасть, покалечить и выгнать на улицу. Старуха Сидорова исправно писала на Малаховых анонимки, сообщая животрепещущие подробности издевательств

над больной женщиной. Если верить пасквилям С. С., старшую Малахову регулярно обваривали крутым кипятком, в мороз привязывали нагишом к кровати и открывали окна, сутками держали без еды и воды, травили тухлыми продуктами и смертельными дозами медикаментов. Младшая Малахова — тихая, кроткая женщина, выглядевшая почти ровесницей свекрови, — сильно страдала от несправедливых обвинений. У Баранникова сердце разрывалось от жалости всякий раз, когда, являясь с очередной проверкой, он выслушивал печальную повесть Анны Григорьевны о силах, подорванных уходом за свекровью, и отпаивал несчастную валокордином. Ему очень не хотелось снова нарушать ее покой, но окна малаховской квартиры тоже выходили во двор. Женщина могла наблюдать трудовой подвиг ненавистной старухи Сидоровой.

— Анна Григорьевна, вы только не волнуйтесь. Я по поводу вашей соседки. С Октябрьиной Егоровной произошел несчастный случай. Мыла окно и упала. Вы ничего не видели?

— Нет... Я кормила Ольгу Ивановну, — растерянно проговорила Малахова, кивнув на пустую суповую тарелку, которую поставила на тумбочку, когда вышла на звонок.

— Врешь, Нюрка! — раздался пронзительный старческий голос, и дверь за спиной Анны Григорьевны затряслась от ударов. — Ты меня уже два дня не кормишь, взаперти держишь!

— Как вам не стыдно, мама! — мучительно покраснев, Малахова схватила Глеба Палыча за руку. — Прошу вас, пойдемте, убедитесь сами!

Баранников не стал упираться и прошел вслед за Анной Григорьевной. Ее свекровь, совершив немислимый скачок через комнату, схватила с тарелки здоровенную котлету и торопливо запихнула ее в рот, после чего выразительно уставилась на сиротливо одинокое картофельное пюре. Смотрите, мол, сами, разве это можно назвать едой?

— Все ясно, — бросил быстрый взгляд на опущенные занавески Баранников. — Не подавитесь, Ольга Ивановна. И... не мойте окон в дождь, — добавил он, закрывая за собой дверь.

Окна соседней, тридцать четвертой квартиры выходили на улицу. Ее обитателям — студенческой семье Капраловых, полгода назад ставших счастливыми родителями двойни, — тоже изрядно досталось от Сидоровой. Всякий раз, когда к студентам приходили гости, в милиции раздавался анонимный звонок, и некто извещал

дежурного, что в наркопритоне по адресу Успенский переулок, дом двенадцать, квартира тридцать четыре началась очередная оргия. Правда, с рождением близнецов звонки как-то прекратились — вероятно, молодым родителям стало не до гостей.

Баранников прижался ухом к двери. Не считая смутного ровного гула, в квартире стояла тишина. Глеб Палыч нажал на кнопку, подождал и нажал посильнее. За дверью послышались торопливые женские шаги и детское хныканье.

— Зачем же так трезвонить? — прошипела, открывая, Маша Капралова. — Они еще полчаса должны были спать! Из-за вас я достирать не успела.

Тут хныканье переросло в могучий хоровой рев, и молодая мамочка умчалась к разоравшимся чадам, неопределенно махнув участковому рукой. Глеб Палыч предпочел истолковать жест как приглашение и вошел. Наскоро оглядев прихожую, пощупал зачем-то колесо сдвоенной коляски, заглянул в ванную, где в таз с пеленками и распашонками низвергалась струя кипятка, крикнул в сторону комнаты: «Я позже зайду. Извините!» — и вернулся на лестничную площадку.

«Чеченский террорист» Иса Гуссейнов уже три года не жил в квартире номер тридцать три. Смылся в солнечный Азербайджан, оставив на произвол судьбы жену, Туманову Софью Алексеевну, и дочь жены от первого брака. Как подозревал Баранников, разрыв произошел при активном участии С. С., натравливавшей на Гуссейнова не только милицию и ФСБ, но и налоговую полицию. Зато с тех пор, как злосчастный азербайджанец отбыл на родину, кляузы на жителей тридцать третьей квартиры прекратились. Видно, против Софьи и Ксюши Тумановых старуха ничего не имела. Тем не менее Баранников позвонил и к ним.

За дверью слышались отдаленные голоса, и Глеб Палыч, вплотную приблизившись, начал различать слова.

«...Сусанна совсем спятила. Три с лишним страницы на один день! Можно подумать, у нас других уроков нет... Ну да, этот жуткий текст на двести семнадцатой странице. Погоди минутку, я гляну, кто там пришел».

Щелкнул замок, и дверь приоткрылась на длину цепочки.

— Ой, здрасьте, Глеб Палыч! Тань, я попозже перезвоню.

Цепочка звякнула, и дверь гостеприимно распахнулась.

— Опять по анонимным делам, Глеб Палыч? — лукаво спросила нимфетка, соблазнительно обтянутая леггинсами. — Или воспитательную беседу пришли провести?

— Нет, Ксюша, я по другому вопросу, — Баранников оглядел прихожую, где на полу сушился раскрытый цветастый зонтик, блестели влажные следы тряпки, а на вешалке висела ярко-красная куртка с намокшим рукавом. — Ты из школы давно пришла?

— Недавно. А что?

— Когда шла, не обратила внимание на окна Октябрины Егоровны?

— Пф-ф! Вот еще! На что она мне сдалась?

— А чем ты занималась, когда вернулась из школы?

— Да ничем. Переделалась, суп разогрела, села обедать, а тут Танька Петухова позвонила. Про домашнее задание спросить.

— И долго вы болтали?

— Минут пятнадцать, ну, может, двадцать. Это ведь законом не запрещено?

— Нет пока. Хотя проект в Думе уже рассматривают, — пошутил Баранников, производя в уме быстрый подсчет. «Допустим, минуту я плелся наверх, с новобрачной разговаривал, от силы, три... Минуты четыре таращился на тело и говорил с Игорем. Еще по две минуты на каждую из трех квартир... Всего четырнадцать минут. Ладно, пусть будет пятнадцать. Пятнадцать минут назад старуха Сидорова была еще жива...» — Ксюш, можно у тебя трубочку попросить?

Девочка с готовностью протянула участковому телефон, но, когда он нажал на кнопку, вдруг нахмурилась и дернула рукой. Однако на его вопросительный взгляд ответила успокаивающим жестом: все в порядке, говорите, мол.

— Здравствуйте. Можно попросить Татьяну Петухову?

— Это я.

— Старший участковый Баранников беспокоит. Вы не могли бы назвать время, когда позвонили Ксении Тумановой?

— Ой! А что с Ксюшей?

— С ней все хорошо, она просто свидетель и потом вам все расскажет. Припомните, пожалуйста, время — это важно.

— По-моему, в пятнадцать минут четвертого. Да, точно, в три пятнадцать. У нас уроки кончаются в два пятнадцать, и я помню, еще подумала, что за час Ксюша уж точно добралась до дома.

Глеб Палыч взглянул на часы. Пятнадцать тридцать шесть.
— Спасибо, вы мне очень помогли, — он нажал на отбой и вернул трубку Ксении. — И тебе спасибо. Ты пока не выходи во двор, хорошо? Октябрина Егоровна выпала из окна. Жуткое зрелище.

На площадке четвертого этажа Баранников вдруг остановился. Похоже, его личность претерпевает профессиональную деформацию. Случай совершенно прозрачный. Бабка восьмидесяти с лишним лет взгромоздилась на подоконник, чтобы помыть окно, потеряла равновесие и упала. Сама, без посторонней помощи. Никто просто не мог эту «помощь» ей оказать.

Анна Григорьевна кормила строптивную свекровь — это сомнений не вызывает. Когда Глеб Палыч вошел в комнату, там еще витал запах супа.

Маша Капралова, в принципе, могла отлучиться на пять минут от спящих близнецов, но откуда ей было знать, что С. С. возится с окном? Коляска и обувь в коридоре совершенно сухие, но не мытые. Значит, если Маша и выходила на улицу, то до дождя, а дождь идет уже минут сорок пять.

Ксюша Туманова все время, пока Баранов находился в доме, болтала по телефону. Да и зачем ей убивать старуху? Вряд ли она так переживает из-за отчима, удравшего три года назад.

«Нельзя быть таким подозрительным, Палыч. Подумаешь, руки у тебя чесались ее прикончить! Это еще ничего не значит. И самые мерзкие личности иногда гибнут случайно, без постороннего вмешательства».

И все же, и все же... Через двадцать минут участковый Баранников должен начать прием населения. Так почему он топчется на лестнице, как привязанный? Что не дает ему покоя? Может, он подозревает, что злоумышленник все еще прячется в квартире убитой? А что, в этом есть смысл. Действительно, лучше дождаться здесь приезда оперативной бригады, чтобы проверить и исключить такую возможность. Но есть что-то еще. Какая-то мелочь, деталька, которая стоит не на своем месте в этой мозаике. Какая же?.. Ага, кажется, вот оно... Нет, ерунда... Мало ли, почему она не сказала. Постеснялась, не придавала значения. Ты ведь и не спрашивал, Баранников. Да, но если у кого-то и была возможность, то только у нее... Брось, Палыч! Брось, даже если ты прав. Неужели тебе хочется сломать людям жизнь из-за старухи,

которую ты и сам мог бы прибить? Прекрати немедленно, пока ты еще ничего не знаешь наверняка и совесть твоя чиста.

Но Баранников уже поднимался по ступеням. Нет, он должен знать. И ей полезно знать, что он знает. Если она решит, что обвела всех вокруг пальца, у нее может развиться мания величия в самой отвратительной и страшной форме. В форме внутреннего права на убийство. Пальч не станет ломать ей жизнь, но пускай она знает, что разоблачена. Пусть помучается сомнениями. Может быть, тогда ей в другой раз не захочется решать свои проблемы таким радикальным способом.

— Забыли что-нибудь, Глеб Пальч?

Лукавая мордашка в щели исчезла, брякнула цепочка, дверь открылась. Баранников шагнул в прихожую и закрыл дверь изнутри.

— Да, Ксюша. Скажи, пожалуйста, Октябрина Егоровна отдавала вам с мамой на хранение запасной ключ?

Губы девочки продолжали улыбаться, но глаза тревожно метнулись в сторону пустого крючка на вешалке.

— Э... отдавала. Вы хотите в ее квартиру зайти, да? Подождите минутку, я поищу!

— Это не к спеху. Ты мне лучше расскажи, за что ее из окна вытолкнула.

— Я?! — Ксюша театрально округлила глаза. — Да вы что?!

— Послушай меня, девочка. У тебя день рождения в следующем месяце, правильно? Так вот, пока тебе четырнадцать не стукнет, уголовной ответственности ты не несешь и разоблачать тебя нет резона. Мне просто по-человечески интересно, чем она тебе так досадила. Обещаю: никто, кроме меня, о твоей причастности к этой смерти не узнает. По крайней мере, до тех пор, пока из окна не вывалится еще одна старуха. А я, как ты поняла, и так уже знаю.

— Как вы догадались? — спросила Ксюша, глядя на него исподлобья.

— Видишь ли, обычно такие старухи очень заботятся о своем здоровье. Я ни одного исключения из этого правила не встречал. И потому уверен: если бы у Сидоровой были проблемы с давлением, сосудами или вестибулярным аппаратом, мыть окна она не полезла бы. Тем более что ее никто не уличал в излишнем пристрастии к чистоте. У нее была другая мания.

— Хорошо, вы заподозрили, что кто-то помог ей упасть. Но почему я?

— Ну, во-первых, я точно знаю, что этого не делал никто с нижних этажей. Входя в парадное, я видел Октябрину Егоровну в окне. Поднимаясь на четвертый этаж, никаких звуков в подъезде не слышал, а со слухом у меня все в порядке. Потом стоял на площадке четвертого этажа, разговаривал с девочкой из двадцать девятой. И только в эти три минуты убийца мог войти в квартиру к Сидоровой и выпихнуть ее из окна. Потому что в этот отрезок времени внизу работала дрель, и я не услышал бы ни шагов, ни щелчка замка. А когда я спустился, старуха уже лежала на тротуаре.

— Значит, ее уколошил кто-то с пятого этажа. Но почему я?

— Мокрый зонтик и рукав куртки. Дождь начался всего за полчаса до моего прихода. А Сидорова, по свидетельству охранника со стоянки, занялась окном, когда уже лило. Ни Капралова, ни Малахова не могли знать, чем занимается С. С., поскольку в дождь не выходили. Я видел их обувь и полы в прихожей.

— Малаховой и не нужно было выходить на улицу. Она могла заметить старуху через свое окно.

— Могла. Но не заметила, поскольку в это время кормила свекровь в комнате с задернутыми занавесками.

— Как будто нельзя...

— Но это не главное, Ксюша. Чтобы провернуть эту операцию, убийце нужен был ключ. Кому старуха Сидорова могла доверить ключ от своей квартиры? Уж никак не Малаховой, которая при виде Октябрины Егоровны хваталась за сердце. И не Капраловым, которым попортила немало крови...

— А нам, значит, мало?

— Вам, вернее, твоей маме, тоже досталось, но, так сказать, рикошетом. Главным объектом травли был твой отчим, которого Сидорова по мере сил выживала из дома. После его отъезда жильцы тридцать третьей квартиры в ее анонимках не фигурируют. Оно и понятно: испугалась старуха. Смерть близка, а вокруг ни одной родной души. Если что, воды подать некому. Помрет или удар хватит — никто и не узнает. Должна была Октябрина Егоровна задобрить кого-то из соседей, чтобы было кому за ней приглядеть. Но не Малаховых же с Капраловыми!

И последняя деталь. Когда я нажал в твоём телефоне на кнопку, которая вызывает последний набранный номер, ты напряглась, даже чуть трубку у меня не выхватила. Я нажал на повтор, не сообразив, что не ты звонила подруге, а она тебе и,

стало быть, последний номер может быть каким угодно. Если бы не твоя реакция, я, скорее всего, и не задумался бы, почему в памяти твоего телефона последним записался номер Тани Петуховой, хотя звонила она. А если и задумался бы, то не придал этому значения. Ну, звонила ты ей вечером или утром — почему бы и нет, если вы подруги? Но твой испуг навел меня на размышления. А что, если, поговорив немного с Таней, ты пообещала через минутку ей перезвонить, сказав, допустим, что тебе нужно в туалет? Много ли времени требуется, чтобы дойти до соседской двери, повернуть ключ в замке, пройти на кухню, толкнуть туговатую на ухо старуху в спину, запереть дверь и подтянуть с той стороны ключ — например, пинцетом? При желании вполне можно уложиться в минуту или две. И вот тут у меня все сложилось. Кроме мотива. Так за что ты ее?

Ксюша прикусила губу и закатила глаза к потолку. Соврет, понял Баранников. Тут дверь квартиры дернулась от сквозняка, а мгновение спустя хлопнула нижняя, подъездная. Парадное сразу наполнилось звуками.

— Знаете что, Глеб Палыч? Не стану я вам ни в чем сознаваться. Сами догадайтесь, раз вы такой умный.

Баранников кивнул, развернулся и молча вышел из квартиры. По лестнице топали башмаки поднимающихся коллег.

Ксюша аккуратно закрыла за участковым дверь, накинула цепочку и перевела дух. «Уф, пронесло! Кажется, старая сволочь не успела заложить нас с Олежкой. Да, но зачем тогда Г. Б. приходил в двадцать девятую?..»

Так Баранников никогда и не узнал, что один раз в жизни старуха Сидорова написала чистую правду. ☐

ПРОДАВЕЦ МЕЧТЫ

Евгения Гордиенко

«— Но не думаете же вы лишить земной шар всей его атмосферы? — с удивлением воскликнул я.

— А почему бы нет? — ответил мистер Бэйли. — Пойдемте дальше, и вы убедитесь, что это вполне возможно...»

(А. Беляев «Продавец воздуха»)

Прошедшее и уже кажущееся далеким лето 2010 года показало нам, что коварный мистер Бэйли был не так уж и далек от истины. От нашей с вами, начала XXI века, истины. Отсутствие воздуха, страшный смог, почти полная невозможность дышать и, что самое страшное, невозможность что-либо сделать...

Никто не удивился бы, если бы нашелся современный мистер Бэйли, предлагающий за немалую сумму «подышать». Многие непременно согласились бы...

Фантаст Александр Романович Беляев, о котором и теперь, по прошествии почти 70 лет после смерти, известно крайне мало, предсказал не только отсутствие воздуха. Он предсказал создание генной инженерии, пси-

хотронного оружия, орбитальных космических станций и многое другое.

Кем же он был? Гениальным провидцем? Человеком с неумной фантазией? А может, просто человеком, желавшим Жить?..

Рука об руку со смертью

Александр Беляев очень рано узнал, что такое смерть и какую боль она приносит. Рожденный в 1884 году в Смоленске в семье священника, Саша вскоре остался единственным ребенком из трех. Его сестра Нина умерла в раннем возрасте от саркомы, а брат Василий утонул...

С детства Саше страшно хотелось преодолеть земное притяжение, открыть для себя возможности человеческого тела. Мечталось летать, дышать под водой, жить одной лишь силой мысли.

Это часто приводило к травмам: желая полететь, он как-то прыгнул с крыши и едва не лишился глаза. В дальнейшем травма привела к резкому ухудшению зрения.

Было и много других «странностей», точнее того, что кажется странным нам. На самом деле это, скорее всего, проявление того фантазийного разума, который подарил нам «Голову профессора Дуэля» и «Человека-амфибию».

Одна из таких «странностей» — увлечение фотографией. Беляев фотографировал не родственников, не травинки-лужицы, с которых обычно начинают фотографы, а самого себя, строившего страшные рожи, или же удивительные композиции вроде снимка собственной отрезанной головы на блюде. Его дочь, Светлана Александровна Беляева, позже вспоминала этот снимок: «Где-то нашел большой фанерный ящик, выпилил в нем отверстие для головы, вырезал дыру в простыне. Долго пытались отколоть от блюда такой кусок, чтобы в углубление могла войти шея. В войну этот снимок пропал, но я хорошо помню его. На большом блюде, немного набок, лежала человеческая голова с закатившимися глазами и вывалившимся языком. А над ней стоял человек со свирепым и кровожадным выражением лица, готовый вонзить в голову нож и вилку...»

Голова писателя Беляева

Но помимо увлечений была и обычная жизнь, достаточно нелегкая. По настоянию отца Александр отправился учиться в духовную семинарию, которую окончил в 1901 году. Однако дальше продолжать религиозное образование отказался и поступил в Демидовский лицей в Ярославле, собираясь стать юристом. Но вскоре отец умер, а вместе с его смертью закончились и деньги. Пришлось идти зарабатывать: частными уроками, игрой на скрипке в оркестре цирка, рисованием декораций для театра.

Окончив Демидовский лицей, Беляев занялся юридической практикой, и вполне успешно для такого небольшого города, как Смоленск. Но тратить заработанные деньги на что-либо скучное и банальное начинающий юрист не умел. Он мечтал о путешествиях! Завершая очередное дело, непременно отправлялся во Францию или Италию.

Однако от любимых поездок пришлось отказаться, и вовсе не из-за материальных проблем. Беляев заболел...

Сначала это был ничего не предвещавший плеврит, но вскоре возникли тяжелые осложнения: паралич ног и туберкулез позвоночника. Беляев на несколько лет оказался обездвиженным.

Тогда-то, в 1925 году, и был написан первый рассказ, позже переделанный автором в роман «Голова профессора Доуэля». В какой-то степени, как бы странно это ни звучало, рассказ во многом автобиографичен.

Прикованный к кровати, не владея ни руками, ни ногами, не имея даже возможности, по его собственным словам, «муху с лица согнать», Беляев, по сути, и был одной лишь головой. Именно эта вынужденная неподвижность заставляла его мечтать о том, чтобы голова могла жить сама по себе, своей собственной, полной жизнью.

Ялта, Москва, Киев, Ленинград

Для поправки здоровья Беляев переехал с мамой и старенькой няней в Ялту. Когда же все наладилось, и Александр снова мог ходить, он понял: такое не должно повториться. И стал работать как одержимый, чтобы снова не вступить на путь беднос-

ти и болезни. Кем только не работал будущий писатель в Ялте: воспитателем в детском доме, инспектором уголовного розыска, библиотекарем... Здесь же он познакомился со своей будущей второй женой Маргаритой. Первая жена Верочка, едва писатель заболел, бросила его, сказав на прощание, что не для того выходила замуж, чтобы возиться с больным мужем. Маргарите же болезнь Беляева не помешала ни влюбиться в него, ни родить от него ребенка. Дочь Светлана позже вспоминала: «Когда врачи сделали для папы специальный корсет, мама помогала ему заново учиться ходить. А ее любовь окончательно поставила его на ноги...»

Вскоре жить в Ялте стало трудно, и семья Беляевых перебралась в Москву. Зарабатывая на жизнь в юридической консультации, Александр не переставал писать. Именно в это время были написаны и опубликованы «Человек-амфибия» и «Остров погибших кораблей». Самые яркие, самые любимые читателями книги вышли из-под пера человека неустроенного, постоянно ищущего денег, но тем не менее постоянно мечтающего — о полетах, о море...

После Москвы, в 1928 году, — снова переезд, на этот раз в Ленинград. Здесь Беляев вплотную занялся писательской деятельностью. Литература полностью поглотила его, он работал день и ночь, постоянно общался с физиками, исследователями, научными деятелями, чтобы в его романах технические детали были как можно более точными. Известно о его долгой и подробной переписке с Циолковским во время написания «Звезды КЭЦ». Вот фрагмент одного из писем 1935 года: «Глубокоуважаемый Константин Эдуардович! Ваше письмо очень порадовало меня. Ваш теплый отзыв о моем романе придает мне новые силы в нелегкой борьбе за создание научно-фантастических произведений. Я всячески стараюсь популяризировать Ваши идеи в романах и рассказах. Когда приеду в город (где у меня хранится литархив), постараюсь подобрать все, что писал о Ваших изобретениях. Очень благодарен и за пересылку некоторых материалов. Очень интересуюсь идеей стратосферного дирижабля».

Постоянно интересоваться, популяризировать, осваивать — вот к чему стремился писатель. Этот человек, подточенный болезнью, словно старался сделать больше, чем мог, больше, чем успевал!

Со временем холодный Ленинград пришлось сменить на солнечный Киев. Однако здесь возникла другая проблема: Беляев писал только по-русски, а на Украине предпочитали издавать писателей на своем родном языке. Пересылка новых романов в Москву и Ленинград отнимала и время, и деньги...

В 1930 году произошла трагедия — от менингита умерла шестилетняя дочь Беляева Людмила. Вторая дочь, Светлана, заболела рахитом... Семья снова вернулась в Ленинград.

По воспоминаниям Светланы Беляевой, ее отец очень любил переезды. Достаточно было просто узнать, что где-то сдается квартира получше, и он тут же срывался с места...

Болезнь брала свое, но работать не мешала. Точнее, работа велась немного по-другому: лежа в гипсе, Беляев писал, ставя себе на грудь фанерку. Или же надиктовывал жене, которая сидела за пишущей машинкой. Так он наговорил свой последний роман «Ариэль».

И снова смерть

Умер фантаст Беляев в городе Пушкин, под Ленинградом, в оккупации в 1942 году. Ходило множество разных слухов. Говорили, что немцы узнали о нахождении в городе знаменитого русского фантаста и решили убрать его. Говорили также, что убили писателя свои, потому что он задумал новый роман о Янтарной комнате и разузнал то, чего ему знать не полагалось. Говорили многое...

Но жизнь фантаста закончилась совсем не фантастически. Он умер от голода. Мать писателя пошла работать на кухню к немцам, и за это ей давали картофельные очистки и суп. Но взрослому, да еще больному Беляеву очисток крайне не хватало. Перед смертью он бредил, просил похоронить его в газете, потому что он журналист...

Похоронили Александра Беляева в общей могиле, совсем не там, где нынче стоит памятник на Казанском кладбище.

Не стало великого мечтателя, зато осталось все то, что он предсказал нам. Часть сбылась. Мы будем ждать, Александр Романович... ☞

Эгон Шиле, «Портрет Валли», 1912

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ВАЛЛИ»

Ирина Опимах

Австрийский художник Эгон Шиле прожил очень короткую жизнь — он умер, когда ему было всего 28 лет, — но сумел оставить яркий след в истории мирового искусства. Его нервные, напряженные, часто глубоко несчастные образы не потеряют своей актуальности еще долго — счастья и спокойствия в нашей жизни не прибавляется...

Неспокойно складывалась и судьба многих его картин. Совсем недавно все газеты и арт-журналы писали о «Портрете Валли» — украшении коллекции Венского музея Леопольда, проведенном 12 лет под арес-

том в хранилище нью-йоркского Квинса и лишь сейчас снова возвращающемся к своим почитателям.

А началась эта история в далеком 1910 году...

В то время Шиле вместе со своим другом Эрвином Озеном снимал квартиру в Крумау в Южной Богемии, куда переехал из Вены. В австрийской столице он чувствовал себя неуютно: «В Вене мрачно, город черен, все поражено гнилью. Я хочу быть один... Я должен увидеть новое и исследовать его. Я хочу попробовать темную воду, увидеть растрескавшиеся деревья, почувствовать порыв дикого ветра... Хочу бежать без остановки по лугам, целовать землю и вдыхать аромат болотных цветов. А потом я буду делать такие красивые вещи...» — писал он. А пока Шиле делал множество рисунков, на которых изображал девушек, часто в весьма двусмысленных позах. Его студия буквально была наводнена этими моделями, молоденькими бродяжками.

Рассказывали, что он продавал получившиеся особенно эротическими рисунки распространителям и коллекционерам порнографических картинок, которых в Вене в то время было множество. Этим и зарабатывал на жизнь.

А еще писал автопортреты — себе он всегда был интересен. Артур Ресслер, критик и большой почитатель Шиле, вспоминал: «Высокий, стройный, с узкими плечами, длинными руками и длинными пальцами на худых руках, загоревший, безбородый, с длинными темными непослушными волосами, он привлекал внимание всякого. Особенности его лица выглядели более ярко при серьезном, почти грустном выражении, как будто он страдал от сильной, спрятанной в глубь боли... Его лаконичный стиль говорить афоризмами в сочетании с его взглядами производил впечатление глубокого внутреннего благородства...»

В 1911 году у Эгона Шиле появилась новая натурщица — семнадцатилетняя Валли Нойциль. Венские художники ее уже хорошо знали — она была моделью Климта, и поговаривали, что не только моделью. Эгона потянуло к этой худенькой молоденькой модели, да и она не смогла устоять перед его обаянием... Эгон и Валли начали жить вместе. Местные жители, наблюдая эту парочку, были страшно возмущены — приезжий художник себе такое позволяет! Живет с сомнительной девицей (кстати, несовершеннолетней!), привечает в своем доме бездомных и не-

счастливых девочек, да еще рисует картины, которые показывать в приличном обществе просто немислимо!

Шиле и Валли пришлось уехать из Крумау. Новое пристанище они нашли в маленьком городке Нейленбах. Как и в Крумау, студия Шиле стала прибежищем всех неблагополучных детей округи, многие из которых — и мальчики, и девочки — с удовольствием ему позировали. Шиле писал коллекционеру Оскару Райхелю: «Я пишу свет, исходящий от тел... Эротические произведения тоже священны! Мои картины следует помещать в здания, подобные храмам». Но, как бы он ни говорил о важности и ценности эротического искусства, большая часть общества исповедовала совсем другие взгляды, и 13 апреля 1912 года Шиле арестовали, рисунки конфисковали, а его самого обвинили в «совращении и насилии над несовершеннолетней девушкой (имеется в виду Валли) и аморальности». Обвинение в аморальности возникло так: Шиле часто пускал в дом толпы детей, одноклассников его моделей. А в одной из комнат висела картина, на которой была изображена полуодетая девушка, которую дети, конечно же, разглядывали с большим интересом. По распоряжению суда эта работа была публично уничтожена, а сам художник приговорен к трем дням заключения за выставление аморальных рисунков там, где их могли бы видеть дети. В камере Эгон написал несколько своих автопортретов и снабдил их такими подписями: «Я чувствую себя очищенным, но не раскаявшимся... Ограничивать художника — преступление. Это означает убить нарождающуюся жизнь... Я с радостью вынесу это ради своего искусства и моих любимых».

История с судом и заключением не оказала никакого влияния на его карьеру, но, наверное, сделала его сильнее и опытнее.

И привнесла горечь в его творчество.

Вскоре после суда Шиле отправился в Каринтию, а потом в Триест — отдохнуть и посмотреть красивые места. В 1912 году он и написал знаменитый «Портрет Валли», ставший предметом нынешних судебных разборок.

В январе 1913 года работы Шиле были выставлены в Будапеште, в феврале и марте — в Мюнхене, затем в Вене и Кельне. Он становится известным и модным, его картины покупают самые уважаемые коллекционеры. Все это заметно улучшило его финансовое положение.

Эгон Шиле,
«Обнаженная
женщина», 1910 г.

В доме напротив его студии жили две девушки — сестры Эдит и Адель Хармс, дочери хозяина слесарной мастерской. Они были очень хорошенькие, и Шиле ужасно хотелось с ними познакомиться. Чего он только не делал: принимал странные, смешные позы перед их окнами, издавал а-ля индейские кличи, пока наконец не привлек их внимание. Он приглашал сестер на прогулки, при этом, чтобы не волновалась их мать, брал с собой ничего не подозревающую Валли. Особенно ему нравилась Эдит. Легкий поначалу флирт постепенно перешел в серьезное чувство, и Эгон решил жениться на Эдит. Но что делать с Валли? Однажды вечером в кафе, куда они ходили по вечерам поиграть в бильярд, он вручил Валли письмо, в котором писал, что хочет с ней расстаться, но при этом готов каждое лето проводить с ней несколько недель. Ему все это казалось очень разумным и пра-

вильным, но Валли совершенно не устраивало. Да и Эдит жизнь втроем показалась дикой. Валли страдала — она любила Эгона, прожила с ним четыре года, была рядом в самые трудные моменты жизни. А теперь он заявляет, что хочет жениться на другой! Оскорбленная Валли, раненная в самое сердце, решает в конце концов исчезнуть из жизни Эгона.

После разрыва они больше никогда не встречались. В 1917 году Валли добровольно вступила в Красный Крест, а через год умерла от скарлатины в военном госпитале в Далмации. Так закончилась жизнь этой женщины, тело которой изображено на самых лучших и поэтичных эротических полотнах Эгона Шиле.

Художник ненадолго пережил свою самую знаменитую модель.

Шиле и Эдит Хармс, несмотря на протесты ее родителей, поженились 17 июня 1915 года. А спустя всего лишь несколько дней его призвали в армию.

Шиле отправился на военную службу в Прагу, Эдит его сопровождала и сняла номер в «Отель Пари». Присутствие рядом молодой жены скрашивало жизнь Эгона в бараках, по крайней мере, некоторое время. Ему повезло — его не отправили на фронт, а поручили выполнять обязанности писаря. До начала 1916 года он служил в охране военнопленных в Ацгерсдорфе, а весной того же года был назначен писарем в Мюллинг в Нижней Австрии, в лагерь для русских офицеров.

Весной 1917 года Шиле переводят в Вену, и он снова оказывается в центре художественной жизни австрийской столицы: участвует в ряде выставок, помогает организовать выставку картин войны, имевшую большой успех. Директор Музея современного искусства Франц Хабердицль купил несколько рисунков Эгона, а через год приобрел и портрет Эдит Шиле. А когда издатель Рихард Лени выпустил серию рисунков и репродукции акварелей Шиле, счастью художника не было предела. Он признанный мастер, его знают и ценят!

6 февраля 1918 года умер Густав Климт. На протяжении многих лет он был признанным лидером венских художников, а для Шиле всегда оставался Учителем, непререкаемым авторитетом. Именно Шиле становится истинным преемником Климта, вождем Венского Сецессиона. Казалось бы, все замечательно, впереди только победы и новые грандиозные свершения.

Но именно тогда, когда Шиле достиг величайшего успеха, в его дом пришла смерть. Страшная болезнь, косившая миллионы людей по всей Европе, настигла и Эдит. Будучи на шестом месяце беременности, она заболела испанкой и 28 октября 1918 года умерла. Эгон, не отходивший от жены ни на шаг, даже не успел почувствовать горе утраты — заразившись от Эдит, через три дня после ее смерти он тоже скончался. Ему было всего 28 лет!

Сегодня полотна Эгона Шиле находятся в самых лучших музеях мира, в самых известных частных коллекциях и стоят огромных денег. Немалая цена оказалась и у «Портрета Валли».

8 октября 1997 года в Нью-Йорке в МОМА (Музее современного искусства) открылась большая выставка, посвященная Шиле. Нью-йоркским почитателям знаменитого австрийского художника была предоставлена возможность увидеть 150 его картин, принадлежащих Фонду Рудольфа Леопольда, выдающегося австрийского коллекционера. Леопольд считал Шиле одним из самых великих художников всех времен и народов — в его коллекции собрано более 250 его работ. В 1994 году Леопольд передал права (за 160 миллионов евро) на свою коллекцию Фонду Леопольда, субсидируемому австрийским государством.

На эту нью-йоркскую выставку пришли господа Бонди. Увидев «Портрет Валли», они узнали в нем картину, принадлежавшую тетке Генри Бонди, Лее Бонди Ярай. До войны она жила в Вене, в тридцатых годах торговала картинами. В 1937 году ей, еврейке, по понятным причинам пришлось покинуть Австрию, а вся коллекция была конфискована немцами. После войны Лея приехала в Вену и попыталась вернуть свои картины — если не все, то хотя бы ее любимый «Портрет Валли». Оказалось, в 1945 году союзники нашли эту работу Шиле в нацистском тайнике и передали австрийским властям, с тем чтобы те возвратили портрет владельцам. Но вместо этого картина удивительным образом оказалась в Фонде Леопольда в Вене — Леопольд купил ее у Национальной австрийской галереи в 1954 году. Он и не собирался возвращать полотно прежней владелице.

Разочарованная в людях, утратившая все иллюзии, Лея умерла в конце 1970-х годов. И вот, спустя почти 20 лет, родственники Леи увидели картину, принадлежавшую их тетке, и задумали вернуть ее семье. Разгорелся скандал. Леопольд изо

Эгон Шиле, «Автопортрет», 1912 г.

всех сил отрицал, что знал о довоенной истории картины и о ее конфискации фашистами.

Семейство Бонди потребовало, чтобы картина была задержана в Нью-Йорке до выяснения всех обстоятельств. MOMA отказался это сделать, сославшись на свои обязательства перед Веной. И тогда в дело вмешался прокурор округа Манхэттен Роберт Моргентау и наложил арест на «Портрет Валли».

Узнав об аресте картины, австрийцы немедленно заявили протест, ведь перед началом выставки MOMA дал им все необходимые гарантии возврата картин. Впервые за последние 30 лет нарушались международные правила выставочного обмена.

Музейный мир был потрясен — под угрозой оказалась вся система международных культурных связей! Несмотря на то что MOMA поддержал протест австрийцев, дело было передано в Верховный суд Нью-Йорка. Состояние, которое испытывали тогда музейщики всего мира, назвали «шок Шиле».

Разгорелся крупный скандал. Работники музеев отказывались устраивать выездные выставки, боясь, что их сокровища

подвергнутся подобным процедурам, а австрийские журналисты писали о том, что в национальных музеях хранятся ценности, украденные фашистами у законных владельцев. В результате в 1998 году парламент Австрии принял закон об ускоренной реституции художественных ценностей из национальных музеев в случае, когда их кража у законных владельцев доказана. Но закон касался государственных собраний, а Фонд Леопольда был частным и не собирался расставаться с «Портретом Валли», ставшим уже давно визитной карточкой музея Леопольда.

Тогда, в 1998 году, картина оценивалась в 2 млн долларов. Леопольд уже был готов заплатить эти деньги Бонди, но представители австрийского правительства в Фонде Леопольда затянули дело, и сделка не состоялась.

Началась тяжба, длившаяся 11 лет, и все это время картина находилась в Америке. Судебные власти США пытались выяснить, знал ли Рудольф Леопольд, приобретая в 1954 году картину у Австрийской национальной галереи, как она туда попала.

Конец жизни известного коллекционера Рудольфа Леопольда был посвящен борьбе за «Портрет Валли». Дрался он за нее, как лев, писали тогда австрийские газеты. Почетный гражданин Австрии Рудольф Леопольд умер 29 июня 2010 года в возрасте 85 лет. Теперь его дело продолжает сын Дитмар, вставший во главе Фонда и музея, по праву носящего имя отца.

Долгая история «Портрета Валли» в конце концов закончилась. Суд Нью-Йорка установил законность притязаний на картину родственников Леи Бонди и постановил выплатить им 19 млн долларов. Деньги эти музей Леопольда найдет, продав свои менее ценные экспонаты.

Итак, «Портрет Валли» вернулся в Вену, в музей Леопольда. В августе 2010 года, впервые после 12-летнего заточения, полотно было выставлено в Музее еврейского наследия в Нью-Йорке, а 23 августа заняло законное место в Венском музее, рядом с автопортретом Шиле — теперь Валли всегда будет рядом со своим любимым Эгоном... ☐

ДОЛГОЖДАННАЯ НАХОДКА

Денис Логинов

В этом году минуло 400 лет со дня смерти одного из самых известных художников конца эпохи Возрождения Микеланджело Меризи (1571–1610), больше известного под именем Караваджо. Караваджо написал 80 полотен (в основном на религиозные темы) и был автором революционной техники кьяроскуро, в основе которой лежит контраст света и тени. В честь юбилея Министерство культуры Италии провело в римском манеже Квиринал выставку 24-х картин Караваджо, которую посетило свыше 600 тысяч человек.

Тайна смерти Караваджо

И надо же такому случиться — именно в 400-ю годовщину смерти великого живописца итальянские ученые нашли его останки. Фрагмент передней части черепа, два обломка челюсти, кости бедра и часть крестца Караваджо были выставлены на всеобщее обозрение в Равенне, на севере Апеннин.

Если поначалу Сильвано Винцети, президент Национального комитета по про-

Оттавио Леони,

Портрет Караваджо, ок.1610

паганде исторического и культурного наследия, считал, что вероятность того, что найденные кости действительно принадлежат Караваджо, составляет 85%, то через какое-то время он окончательно «осмелел» и заявил, что у него отпали последние сомнения в своей правоте.

Все 400 лет, миновавшие после смерти Микеланджело Меризи, никто не знал ни причину его смерти, ни место его захоронения. Известно было только, что произошло

это в июле 1610 года в тосканском городке Порто-Эрколе.

Поиски останков длились больше года. Сначала Сильвано Винцети с коллегами надолго засел в городском архиве, где ему посчастливилось найти пожелтевший от времени листок бумаги, из которого следовало, что Микеланджело Караваджо похоронили четыре столетия назад на крошечном кладбище Сан-Себастьяно в Порто-Эрколе.

В 1956 году на месте кладбища развернулось строительство, и останки были перенесены в склеп расположенной поблизости церкви святого Эразма. Методом исключения ученые остановились на костях мужчины лет сорока, ростом 170 см (именно таким был рост Караваджо), который скончался, как показал радиоуглеродный анализ, примерно в 1610 году.

После этого Винцети отправился на родину знаменитого живописца, в расположенный недалеко от Милана городок Караваджо, название которого Меризи и сделал своей фамилией. Поскольку Микеланджело умер бездетным и не оставил прямых потомков, было решено сравнить ДНК найденных в Порто-Эрколе костей с ДНК жителей Караваджо, носящих фамилии Меризи или Меризо. Совпадение оказалось достаточно высоким (50–60%) и позволило сделать вывод, что человек, кости которого были найдены в церковном склепе, вполне мог быть родом из Караваджо и принадлежать к клану Меризи.

Последним доводом в пользу идентификации костей стало довольно высокое содержание в них свинца и ряда других химических веществ и элементов, содержащихся в красках, которые часто находят в костях художников. Сатурнизм, или отравление свинцом, кстати, может объяснить непредсказуемое поведение Караваджо. Одним из объяснений глубоких депрессий и перепадов настроения таких известных живописцев, как Гойя и Ван Гог, является, по мнению ученых, именно отравление свинцом из красок.

«Свинец, скорее всего, содержался в красках, которыми он работал, — считает Сильвано Винцети. — Мы полагаем, что его раны загноились и что с ним случился солнечный удар, но свинец был одной из причин. Хотя само по себе отравление этим металлом не убивает, оно ослабляет организм и делает его уязвимым».

Не ангел

Он был назван в честь ангела, однако его жизнь была далеко не ангельской. Искусство Микеланджело Караваджо соткано из тени и света. Его картины представляют освещенные ярким светом минуты экстремального всплеска эмоций, но на заднем фоне всегда присутствует тень, в любой момент готовая выйти на сцену и прогнать свет.

Жизнь Караваджо во многом копирует его искусство (или наоборот). Большая часть из того, что известно о нем, почерпнута из полицейских архивов XVII века. Он долго жил в изгнании, постоянно от кого-то бежал, скрывался.

Полная взлетов и падений жизнь Караваджо была жизнью неисправимого сорвиголовы, которым руководила страсть, не подчинявшаяся ни рассудку, ни логике.

Микеланджело Меризи родился 29 сентября 1571 года в семье каменщика на севере Италии, в маленькой деревушке Караваджо. В 11 лет его отдали на четыре года в ученики миланскому художнику Симоне Петерзано. В Милане, напомним во второй половине XVI века Чикаго двадцатых годов прошлого столетия своей криминогенной обстановкой, юноша близко познакомился с разгульной жизнью и быстро пристрастился к вину и женщинам.

В 21 год Меризи отправился покорять Рим. Первые годы он бедствовал, ради куска хлеба рисовал портреты лавочников и владельцев гостиниц и даже, как утверждали недоброжелатели, немного приворовывал.

Вечный город в те времена кишел художниками, и борьба за место под солнцем в мире живописи была острой и жестокой. Например, конкурентам, расписывавшим церкви, часто подпиливали леса. Художники нередко становились калеками или даже гибли под рухнувшими конструкциями. Другим распространенным способом вредительства было подмешивание в краски определенных веществ, из-за которых через несколько дней они меняли цвет — синие, к примеру, становились зелеными и так далее.

Судьба улыбнулась Микеланджело в 1595 году, когда он познакомился с ловким агентом Валентином. Валентин не только начал продавать его картины, но и познакомил с кардиналом Франческо дель Монте, большим поклонником живописи и покровителем бедных молодых художников. Кардинал помог Караваджо получить заказ на роспись церкви Сан-Луиджи. Потрясающие по своей глубине и реалистичности картины из жизни святого Матфея принесли 24-летнему художнику славу и деньги.

Шли годы, но Караваджо нисколько не менялся. Его мастерство живописца росло, а вот характер лучше не становился. Он оставался таким же скандалистом — днем занимался живописью, а по вечерам, вооружившись шпагой, бродил по римским улицам, пил и буянил в трактирах и волочился за женщинами.

Насилие в Риме было в порядке вещей, но Караваджо в проявлении чувств заходил, пожалуй, дальше всех — как в жизни, так и в искусстве.

Например, в 1602 году он предстал перед судом по обвинению в нанесении побоев куртизанке, отказавшейся с ним спать. Он не только избил и оскорбил женщину, но и ударил ее ножом в лицо. В Италии такие раны назывались сфрегио. Особенно неприятны они были для куртизанок, лица которых были их главным орудием труда.

Любитель дузлей

Роковым в скандальной жизни Микеланджело Караваджо стал роман с одной из самых красивых римских куртизанок —

Караваджо, «Отдых на пути в Египет», 1596–1597

Филлидой Меландрони. Он познакомился с ней в 1606 году, когда один из знатных римлян заказал ему ее портрет. Филлида настолько очаровала художника, что он сразу влюбился, и в дальнейшем красавица куртизанка несколько раз появлялась на его картинах.

6 мая 1606 года Караваджо поссорился на теннисном корте с Ранучио Томассони, сводником Филлиды. Версий относительно причин ссоры, ставшей поворотной в судьбе Микеланджело Караваджо, существует немало. По одной из них, Караваджо попытался отнять у Томассони бизнес и занялся сводничеством. Он постоянно нуждался в моделях, которыми чаще всего были женщины легкого поведения, и ему в голову вполне могла прийти мысль завести собственных проституток.

Есть, конечно, и другие предположения. Кое-кто из историков искусства считает, что причиной дуэли стала честь Лавинии, жены Ранучио Томассони. Недавно найденные в римских архивах документы свидетельствуют, что вскоре после смерти Томассони она отказалась от маленькой дочери. Возможно, потому, что отцом девочки был не Ранучио, а Микеланджело. Вер-

Караваджо,

«Вакх», 1596–1597

сию о том, что дуэль произошла по причине оскорбления чести Томассони, подтверждает и то обстоятельство, что он дрался с Караваджо в присутствии брата и двух деверей.

Микеланджело искусно владел не только кистью, но и шпагой. Он поднаторел в драках и скандалах, за которые неоднократно попадал в тюрьму, откуда его вызволяли высокие покровители, и его шпага проткнула бедренную артерию поверженного противника, который скончался от потери крови.

Дуэли в Риме в те годы были запрещены, и Караваджо, признанного виновным в убийстве, приговорили к смертной казни. Отныне любой подданный папы имел право лишить его жизни. Для того чтобы получить объявленную награду, не нужно было даже предоставлять труп, достаточно было принести голову живописца.

Скитания

Караваджо пришлось бежать из Рима. В его жизни наступил четырехлетний период скитаний, продлившийся до самой

смерти. Сначала он прятался в Милане, потом перебрался в Неаполь, где продолжал вести разгульный образ жизни. От его руки пали на дуэлях еще трое.

Последним пристанищем скитальца стал маленький итальянский городок Порто-Эрколе. Летом 1610 года Караваджо отправился на корабле в Рим, однако в Пало из-за недоразумения с капитаном попал в тюрьму. Корабль отправился дальше на север с его вещами и тремя картинами, предназначенными для Сципионе Боргезе, племянника папы, который покровительствовал Микеланджело и нередко делал ему заказы.

Выйдя на свободу, Караваджо бросился вдогонку. Он надеялся догнать корабль в Порто-Эрколе, до которого было полторы сотни километров. День был очень жаркий, Микеланджело торопился и нещадно прищипоривал коня. Организм художника, ослабленный скитаниями и болезнями, очевидно, не выдержал нагрузки. С отчаянием глядя вслед уходящему кораблю, Караваджо упал в обморок прямо на берегу моря, а спустя несколько дней, 18 июля, скончался.

Рыцарь плаща и кинжала

Версий относительно смерти Караваджо хватает. Если раньше главной причиной называли малярию, то в последние годы, после архивных исследований, появились и другие версии. В качестве причин смерти назывались и сифилис, и солнечный удар, и сердечный приступ.

И все же, когда умирает человек с такой репутацией, нелегко согласиться с тем, что он умер от «простой» малярии или солнечного удара. Неудивительно, что среди многочисленных исследователей жизни Караваджо большое распространение получили другие, более экзотичные версии его кончины.

Одни считают, что великого живописца лишили жизни наемные убийцы; другие полагают, что с ним расправились родственники Ранучио Томассони, решившие взять свершение правосудия в свои руки. На этой версии, кстати, настаивает и британский искусствовед Эндрю Грэм-Диксон, один из крупнейших специалистов по Караваджо, снявший документальный фильм «Кто убил Караваджо?» и выпустивший в этом году его биографию.

Самая захватывающая и сенсационная версия объясняет смерть живописца его... шпионской деятельностью. Вместе с молодым Караваджо во дворце кардинала дель Монте жил таинственный гость, некий Франческо Мария Виларди, прозванный «королем шпионов Италии». Именно Виларди учил премудростям шпионского ремесла сэра Фрэнсиса Уолсингхэма, всемогущего шефа разведки английской королевы Елизаветы I.

Историк из Флоренции Стефано Съени после более чем двадцатилетних поисков нашел в архивах доказательства того, что Караваджо был близко знаком и с философом Джордано Бруно. Увлекавшийся оккультизмом Бруно в 1583—1585 годах посетил Англию, где подружился со знаменитым алхимиком, астрологом и советником Елизаветы I Джоном Ди и покровителем Шекспира сэром Филиппом Сидни. Доказано, что Джордано принимал активное участие во многих протестантских заговорах против Ватикана и шпионил в пользу Англии и Франции.

Бруно и Виларди приобщили к миру «рыцарей плаща и кинжала» и молодого Караваджо, который начал выполнять задания деликатного рода. После бегства из Рима он продолжал доставлять зашифрованные на картинах инструкции протестантским шпионам в Италии. Поэтому, считает Съени, именно агенты инквизиции отравили Микеланджело медленнодействующим ядом в Пало или Порто-Эрколе...

Большую часть своей жизни Микеланджело Караваджо прожил среди бедных и простых людей. И после смерти был похоронен среди бедняков, для которых творил. Находка костей Караваджо вызвала очередной спор о месте нового захоронения: Порто-Эрколе, где он пролежал четыре столетия, или миланское кладбище в павильоне Фамедио, где покоятся останки поэта и писателя Алессандро Мандзони, основателя футуризма Томазо Маринетти и дирижера Артуро Тосканини.

Кстати, следует добавить, что по итальянским традициям хоронить людей надо там, где они скончались. ☐

Милый, милый людоед

Елена Логунова

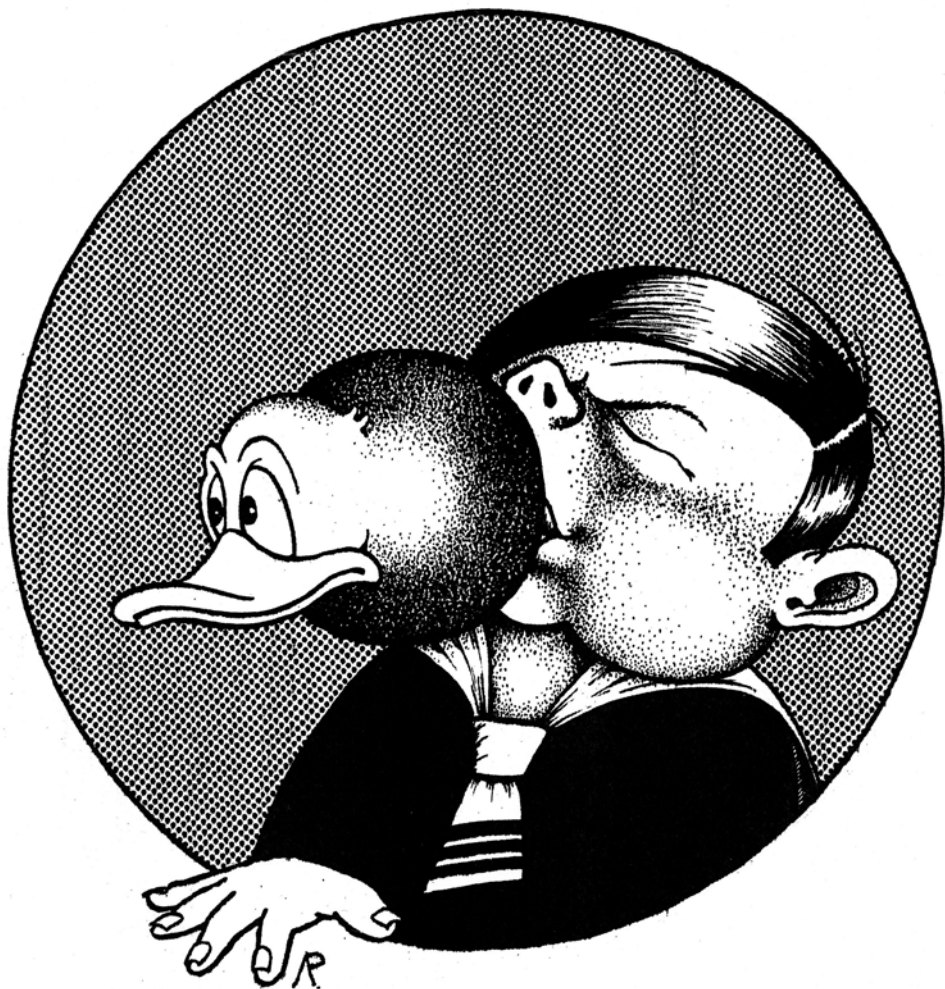
— Может, борщик съешь?
— Не-а.
— Супчик? Курочку? Котлетку?
Я без особой надежды перечисляла

первые и вторые блюда, представленные в меню, соответствующем европейским требованиям к системе питания «шведский стол», из которого к четвертому дню пребывания в отеле Масяня не нашел для себя и десяти подходящих блюд. К употреблению в пищу с многочисленными оговорками им были допущены макароны, гречневая каша, докторская колбаса, чай, печенье, сухие ба-ранки и почему-то бородинский хлеб.

Мне же казалось крайне важным включить в рацион молодого растущего организма белковую пищу.

- Бульон с фрикадельками?
- Ни-ко-гда!

Я стиснула правой рукой черенок ложки, а левой в последний момент перехватила запястье правой: позыв треснуть потомка по лбу был невероятно силен! Наверное, это генетическая память. Мама рассказывала

мне, что ее деревенский дедушка имел обыкновение в процессе трапезы осуществлять педагогическое воздействие на умы шалющих детей и внуков как раз деревянной ложкой.

В душе я уже склонна была оценивать дедовский опыт как безусловно положительный, однако в данном конкретном случае очень хотелось прийти к консенсусу путем мирных переговоров. Главным образом потому, что своенравный сынуля мог принять мои манипуляции с ложкой за новую игру и развить ее по своему разумению. А мне не хотелось предстать перед почтенной публикой с тарелкой на голове.

— Может, будешь омлет?

— Нет! — ответил в рифму Масяня и засмеялся от удовольствия.

— Убил бы Чуковского! — злобно проговорил мой муж.

Он мрачно вкушал яства, большой разноцветной горой наваленные на его тарелку. На протяжении всего обеда Колян сердито краснел под взглядами людей, которые с недоумением и укоризной взирали на вопиющую дисгармонию в продовольственных наборах отца и сына. Масяня, сусликом стоя у стола — присаживаться он отказывался из опасения быть накормленным насильно, — скромно и невозмутимо грыз сухое печенье.

— Поздно, Чуковский давно уже умер, — ответила я мужу и с сожалением вздохнула.

Я бы сейчас тоже с большим удовольствием кого-нибудь убила. Не обязательно Чуковского.

— А кто распоряжается судьбой его творческого наследия, не знаешь? — настойчиво продолжал Колян.

— Потомки, наверно, или какой-нибудь фонд. А что?

Муж отложил вилку, вытащил из кармана ручку и ожесточенно зачеркал ею на полях красочно иллюстрированной книжки про Бармалея.

— А то, что я считаю необходимым добиться внесения изменений в текст данного произведения! — объявил он и с выражением зачитал: — «Милый, милый людоед, смилуйся над нами! Мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями!». Как тебе это? Когда такое пишет автор, которого считают лучшим детским писателем, это уже не шуточки! Это настоящая провокация!

— Прямое подстрекательство к продовольственному бунту! — согласилась я.

— Хочу чаю, — покончив со своим дежурным сухарем, заявил Маса.

Я застонала, не сомневаясь, что следующим пунктом в меню моего ребенка будут конфеты. И зачем я читала ему Чуковского? Где были мои глаза? «Где были твои ложки?» — мрачно поправил внутренний голос ворчливым стариковским басом.

— Предлагаю переписать Чуковского следующим образом, — деловито сказал Колян. — Сюжет произведения и ритм стиха не пострадают, а воспитательный посыл только выиграет. Вместо «мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями» впредь читаем «мы дадим тебе котлет, супу с сухарями». А? Как тебе?

— Гораздо лучше! — согласилась я без особого воодушевления. — Только, боюсь, «Бармалеем» дело не ограничится. У того же Чуковского в другом стихотворном хите на вопрос «что вам надо?» слон безответственно отвечает: «Шоколада!»

Колян задумался, с видимым трудом подыскивая гастрономически верную рифму, а я отвернулась от шведского стола и оглядела просторный обеденный зал. Локальные конфликты вроде нашего происходили за каждым третьим столом. Большая часть родителей, прибывших на отдых с маленькими детьми, тщетно доказывала своим неразумным чадам преимущества супа и котлет перед чаем и конфетами. Метрах в пяти от нас пацан лет четырех мычал и раскачивался на стуле, как стихотворный бычок Агнии Барто, ловко уклоняясь от ложки с супом. А за соседним столиком девчущка Мasiного возраста скандировала со страстью итальянского революционера Гарибальди:

— Ма-ка-ро-ны! Ма-ка-ро-ны!

Мамаша маленькой бунтарки устало обмахивалась салфеткой. Судя по количеству нетронутых тарелок с едой, у соседей битва за шведским столом имела затяжной позиционный характер. Мой сын, уже выигравший свою очередную «войну со шведами», наблюдал за единомышленницей с улыбкой превосходства.

— А как быть, например, с Мальчишом-Плохишом, который просил в награду ящик печенья и бочку варенья? — вздохнув, продолжила я. — Чем их заменить для пущей питательной пользы и без ущерба для стиха? Бочкой борща и ящиком сухого леща? А Красной Шапочке дать корзину с паровыми котлетками?

— И нормально будет, не подавятся! — заупрямился муж. Чувствовалось, что прогрессивную идею гастрономической

цензуры в детской литературе он выносил в муках и теперь так просто от нее не откажется. — А писатели не облезут, если их чуточку поправят, впредь не будут словами разбрасываться! Пусть на русские народные сказки равняются, там диетология вполне грамотная: молочные реки в кисельных берегах, репка, куриное яйцо, золотая рыбка...

— И Маша с медведями у Толстого не чипсы, а похлебку ели, — вспомнила я. — И сорока-ворона кашу варила, деток кормила! И солдат из топора суп делал, а не чупа-чупс на палочке!

— Где чупа-чупс на палочке? — оживился Масяня.

— Нигде! — не удержавшись, прикрикнула я на сына. — В запретительной части законопроекта «О детской литературе, подлежащей одобрению Институтом питания Российской академии медицинских наук»!

После обеда мы набросали письмо в Госдуму, за ужином собрали подписи родителей и теперь ждем, что скажут господа депутаты.

Если примут нормальный закон, а не кое-что на палочке, я, возможно, подумаю о втором ребенке. ☐

Ирина Кобаенко,
49 лет, ведущий менеджер, г. Москва

Подарите мне пряничный город...

Подарите мне пряничный город
С карамельной блестящей рекой,
Шоколадом облитые горы,
И в кокосовой стружке прибой.

Мармеладное солнце так греет,
Что от счастья слезятся глаза.
Открывайте коробку скорее!
Там под крышкой живут чудеса!

Занавески из сахарной пудры,
Взбитых сливок букет за окном,
На крылечке котище премудрый,
Полосатый, с пушистым хвостом.

Я сюда непременно приеду,
Поселюсь, этот домик — он мой.
Может быть, послезавтра к обеду
Я приеду сюда как домой.

А пока, мое милое чудо,
Буду просто смотреть и мечтать.
Лебедей у молочной запруды
Буду тихо по имени звать.

А пока пир, увы, отменяем,
И причины на редкость просты:
Ведь нельзя просто так, вместе с чаем,
Скушать даже кусочек мечты.

Николай Вересень,
37 лет, охранник, г. Серпухов

* * *

Давай с тобою влюбимся друг в друга,
И будем каждым мигом дорожить,
И каждое желанье сторожить,
Влекущее из замкнутого круга.

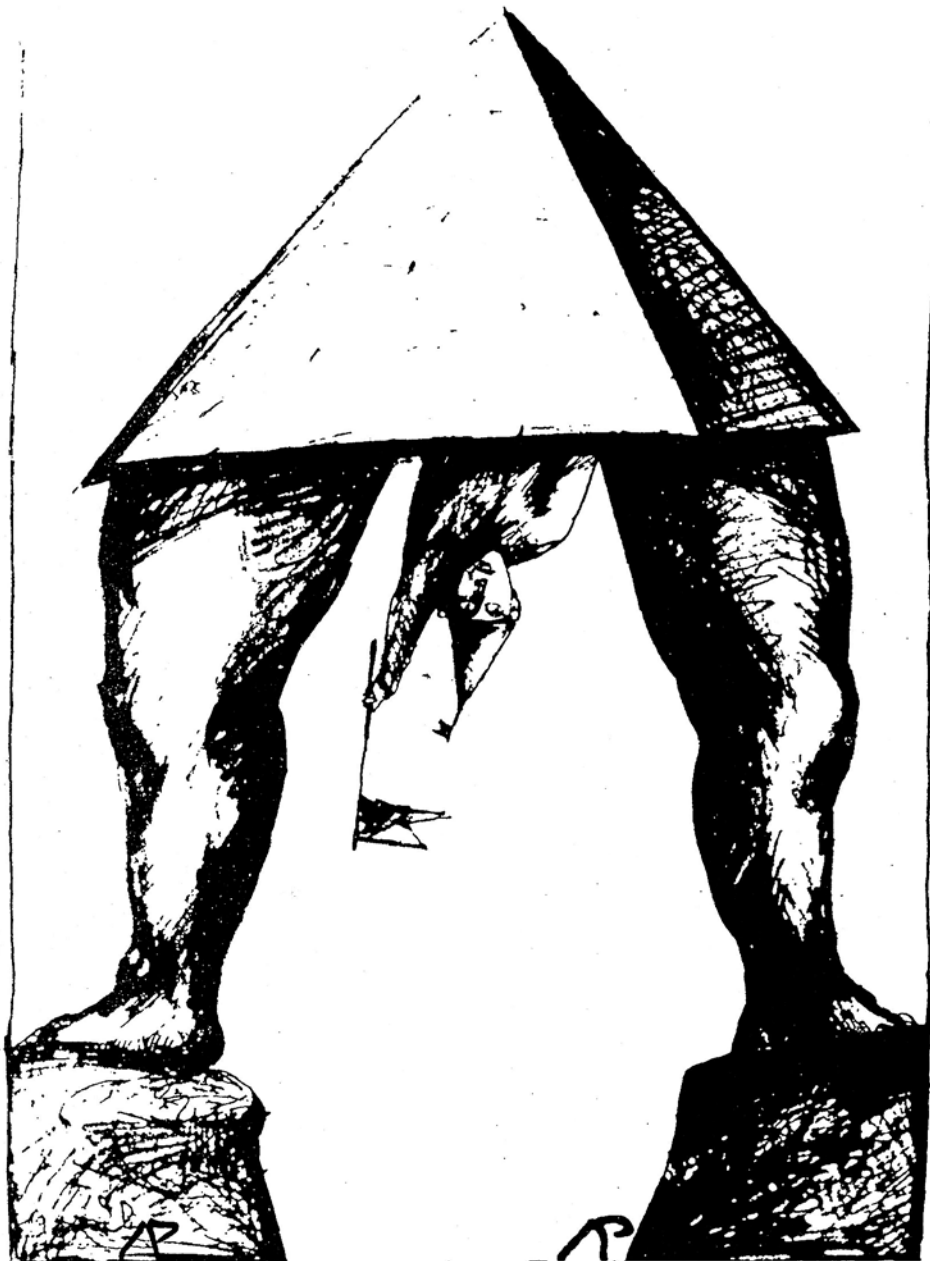
Давай друг друга будем удивлять,
И удивляться, и дарить секреты,
В нескромных взглядах не ища ответа,
Неловкость искренностью исправлять.

Давай отныне мелочи прощать,
В неточности не видя преступленье,
В шагах, послышавшихся в отдаленье,
Самим себе надежду обещать.

Давай друг в друге лучшее искать,
В глаза заглядывая осторожно.
Скажи мне, разве это невозможно?
Скажи мне, разве это глупо — ждать?

Давай разнообразно предвкушать,
И в вечность вырастим одно мгновенье.
Любовь — случайное прикосновенье,
И мы его во власти продолжать.

И. Ильф, Е. Петров

Разговоры за чайным столом

В семье было три человека: папа, мама и сын. Папа был старый большевик, мама — старая домашняя хозяйка, а сын — старый пионер со стриженной головой и двенадцатилетним жизненным опытом.

Казалось бы, все хорошо.

И тем не менее ежедневно за утренним чаем происходили семейные ссоры.

Разговор обычно начинал папа.

— Ну, что у вас нового в классе? — спрашивал он.

— Не в классе, а в группе, — отвечал сын. — Сколько раз я тебе говорил, папа, что класс — это реакционно-феодалное понятие.

— Хорошо, хорошо. Пусть группа. Что же учили в группе?

— Не учили, а прорабатывали. Пора бы, кажется, знать.

— Ладно, что же прорабатывали?

— Мы прорабатывали вопросы влияния лассальянства на зарождение реформизма.

— Вот как! Лассальянство? А задачи решали?

— Решали.

— Вот это молодцы! Какие же вы решали задачи? Небось трудные?

— Да нет, не очень. Задачи материалистической философии в свете задач, поставленных второй сессией Комакадемии совместно с пленумом общества аграрников-марксистов.

Папа отодвинул чай, протер очки полой пиджака и внимательно посмотрел на сына. Да нет, с виду как будто ничего. Мальчик как мальчик.

— Ну, а по русскому языку что сейчас уч... то есть обрабатываете?

— Последний раз коллективно зачитывали поэму «Звонче голос за конский волос».

— Про лошадку? — с надеждой спросил папа. — «Что ты ржешь, мой конь ретивый, что ты шейку опустил?»

— Про конский волос, — сухо повторил сын. — Неужели не слышал?

Гей, ребята, все в поля

Для охоты на коня!

Лейся, песня, взвейся, голос.

Рвите ценный конский волос!

— Первый раз слышу такую... м-м-м... странную поэму, — сказал папа. — Кто это написал?

— Аркадий Паровой.

— Вероятно, мальчик? Из вашей группы?

— Какой там мальчик! Стыдно тебе, папа. А еще старый большевик... не знаешь Парового. Это знаменитый поэт. Мы недавно даже сочинение писали — «Влияние творчества Парового на западную литературу».

— А тебе не кажется, — осторожно спросил папа, — что в творчестве этого товарища Парового как-то мало поэтического чувства?

— Почему мало? Достаточно ясно выпячены вопросы сбора ненужного коню волоса для использования его в матрасной промышленности.

— Ненужного?

— Абсолютно ненужного.

— А конские уши вы не предполагаете собирать? — закричал папа дребезжащим голосом.

— Кушайте, кушайте, — примирительно сказала мама.
— Вечно у вас споры.

Папа долго хмыкал, пожимал плечами и что-то гневно шептал себе под нос. Потом собрался с силами и снова подступил к загадочному ребенку.

— Ну а как вы отдыхаете, веселитесь? Чем развлекались в последнее время?

— Мы не развлекались. Некогда было.

— Что же вы делали?

— Мы боролись.

Папа оживился.

— Вот это мне нравится. Помню, я сам в детстве увлекался. Бра-руле, тур-де-тет, захват головы в партере. Это очень полезно. Чудная штука — французская борьба.

— Почему французская?

— А какая же?

— Обыкновенная борьба. Принципиальная.

— С кем же вы боролись? — спросил папа упавшим голосом.

— С лебедевщиной.

— Что это еще за лебедевщина такая? Кто это — Лебедев?

— Один наш мальчик.

— Он что, мальчик плохого поведения? Шалун?

— Ужасного поведения, папа! Он повторил целый ряд ошибок в оценке махизма, махаевщины и механицизма.

— Это какой-то кошмар!

— Конечно, кошмар. Мы уже две недели только этим и занимаемся. Все силы отдаем на борьбу. Вчера был политаврал.

Папа схватился за голову.

— Сколько же ему лет?

— Кому? Лебедеву? Да не молод. Ему лет восемь.

— Восемь лет мальчику, и вы с ним боретесь?

— А как по-твоему? Проявлять оппортунизм? Смазывать вопрос?

Папа дрожащими руками схватил портфель и, опрокинув по дороге стул, выскочил на улицу. Неуязвимый мальчик снисходительно усмехнулся и прокричал ему вдогонку:

— А еще старый большевик!

Однажды бедный папа развернул газету и издал торжествующий крик. Мама вздрогнула. Сын сконфуженно смотрел

в свою чашку. Он уже читал постановление ЦК о школе. Уши у него были розовые и просвечивали, как у кролика.

— Ну-с, — сказал папа, странно улыбаясь, — что же теперь будет, ученик четвертого класса Ситников Николай?

Сын молчал.

— Что вчера коллективно прорабатывали?

Сын продолжал молчать.

— Изжили, наконец, лебедевщину, юные непримири-мые ортодоксы?

Молчание.

— Уже признал бедный мальчик свои ошибки? Кстати, в каком он классе?

— В нулевой группе.

— Не в нулевой группе, а в приготовительном классе! — загремел отец. — Пора бы знать!

Сын молчал.

— Вчера читал, что этого вашего Аркадия, как его, Паровозова не приняли в Союз писателей. Как он там писал? «Гей, ребята, выйдем в поле, с корнем вырвем конский хвост»?

— «Рвите ценный конский волос», — умоляюще прошептал мальчик.

— Да, да. Одним словом, «лейся, взвейся, конский волос».

Я все помню. Это еще оказывает влияние на мировую литературу?

— Н-не знаю.

— Не знаешь? Не жуй, когда с учителем говоришь! Кто написал «Мертвые души»? Тоже не знаешь? Гоголь написал. Гоголь.

— Вконец разложившийся и реакционно настроенный мелкий мистик... — обрадованно забубнил мальчик.

— Два с минусом! — мстительно сказал папа. — Читать надо Гоголя, учить надо Гоголя, а прорабатывать будешь в Комакадемии, лет через десять. Ну-с, расскажите мне, Ситников Николай, про Нью-Йорк.

— Тут наиболее резко, чем где бы то ни было, — запел Коля, — выявляются капиталистические противоре...

— Это я сам знаю. Ты мне скажи, на берегу какого океана стоит Нью-Йорк?

Сын молчал.

— Сколько там населения?

- Не знаю.
- Где протекает река Ориноко?
- Не знаю.
- Кто была Екатерина Вторая?
- Продукт.
- Как продукт?
- Я сейчас вспомню. Мы прорабатывали... Ага! Продукт эпохи нарастающего влияния торгового капита...
- Ты скажи, кем она была? Должность какую занимала?
- Этого мы не прорабатывали.
- Ах так! А каковы признаки делимости на три?
- Вы кушайте, — сказала сердобольная мама. — Вечно у вас эти споры.
- Нет, пусть он мне скажет, что такое полуостров? — кипятился папа. — Пусть скажет, что такое Куро-Сиво? Пусть скажет, что за продукт был Генрих Птицелов?
- Загадочный мальчик сорвался с места, дрожащими руками запихнул в карман рогатку и выбежал на улицу.
- Двоечник! — кричал ему вслед счастливый отец. — Все директору скажу!
- Он наконец взял реванш. ♣

Здравствуйте, уважаемый Михаил Григорьевич!

Пишу Вам из тюрьмы, к тому же из тюрьмы пожизненной... Думаю, надо немного написать о себе.

Я Зубарев Александр Викторович, 1953 года рождения. Сам я житель города Кисловодска, но вот уже долгие годы, почти 18 лет, нахожусь в тюремных узах. Из этих лет меня угораздило дважды побывать в камере смертников, где в общей сложности я провел 4,5 года. Потом замена приговора на пожизненное заключение. И вот я уже двенадцатый год в Мордовии. Там, в камере смертников, произошло важное для меня событие — приход к Богу. Второе важное событие, уже здесь, в Мордовии, — моя женитьба. Хотелось бы надеяться, что я когда-нибудь отсюда вырвусь...

Причина моего письма? Я уже тысячу лет не держал в руках «Смену», условия, увы, не очень подходящие для этого... И вот, надо же, увидел, правда, уже в несколько обновленном виде, чему очень обрадовался, так как, сколько себя помню, ваш журнал всегда выписывался в нашей семье и всегда всем был интересен.

Годы идут, мы взрослеем, меняемся, от чего-то избавляемся, что-то новое берем для себя. Это произошло и со мной. Вот и пишу Вам.

Что хотелось бы еще сказать: я знаю, что Бог простил меня. Я не насильник, не детоубийца, не какой-то там маньяк, но все равно на моей совести есть то, за что когда-то меня приговаривали к расстрелу.

Извините, что позволил себе отвлечь Ваше внимание от дел насущных.

С уважением,

Саша.

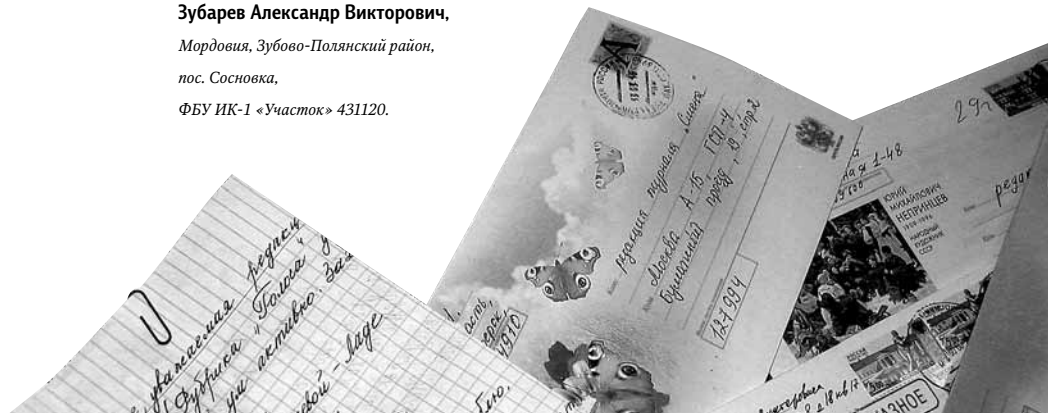
P.S. Ах! Если бы Вы смогли присылать мне Ваш журнал, хотя бы старые номера! Ведь, к большому моему сожалению, я не в силах подписаться на него. Может быть, Вы откликнитесь на мою просьбу и пришлете мне какие-нибудь номера Вашего журнала. Ведь журнал очень интересный.

Зубарев Александр Викторович,

Мордовия, Zubovo-Полянский район,

пос. Сосновка,

ФБУ ИК-1 «Участок» 431120.

Людмила Кушпель

Презентация убийства

Журнальный вариант

ЧАСТЬ 1

Глава первая,

*в которой цветущая сирень
неожиданно запахла черемухой*

...Варвара Лагина возвращалась с вокзала «в растрепанных чувствах». Обнимаясь на прощанье, Аркадий, как всегда, предложил:

— Поехали со мной, амазонка!

Сегодня ей ужасно хотелось согласиться. Только нужно было сообщить бабушке Ляле, чтоб не ждала и не волновалась. Она позвонила по мобильнику, но телефон не отвечал.

Как Аркадий ее уламывал! Повторял:

— Поехали, потом в дороге дозво-
нишься!

Но Варвара так не могла. Он, кажется, обиделся. Точно, обиделся. Сейчас, наверное, стоит в тамбуре и курит свой «Барклай», пуская колечки...

Каждый раз, когда Аркадий отправлялся в свою Москву, Варвару охватывала тревога

при мысли, что нанятый им частный сыщик так и не отыскал давно пропавшего Олега Барсукова, его бывшего сокурсника и однокашника.

А дело было так. Аркадий Карелов и двое его лучших друзей, Олег Барсуков и Денис Торкач, когда-то все вместе учились в Тимирязевке и совместно совершили открытие в области органической химии. Поскольку дело касалось новой технологии получения вина, а в стране как раз свирепствовала антиалкогольная кампания, открытие благополучно похоронили.

В начале девяностых двое из троих сумели применить изобретенную технологию на практике и даже извлечь из нее доходы. И немалые. Их мучила совесть, что третий изобретатель, по сути, главный, остался в стороне. Посоветавшись, они открыли банковский счет на его имя и перечисляли туда его часть прибыли. А Барсик — так издавна прозвали Олега — все не объявлялся. Тогда друзья обратились в сыскное агентство.

После окончания института Олег Барсуков получил распределение в Новосибирск, в сибирский филиал Академии наук. Детектив частного сыскного агентства «Нонсенс» Марк Листовский съездил туда и разыскал бывшую жену Барсика, с которой тот был давно уже разведен. Причина развода тривиальная — алкоголизм. Там же сыщику удалось установить, что Олег Николаевич Барсуков выписался в Москву, где, однако, не сохранилось никаких следов его пребывания. Это сильно насторожило детектива. Он исхитрился вычислить местонахождение Барсика с помощью патентного бюро. Выяснилось, что на имя Олега Николаевича Барсукова зарегистрировано несколько патентов и ноу-хау, и у всех в настоящее время имеются законные владельцы. Информация же о самом изобретателе давно устарела.

Марк Листовский предложил друзьям поставить на этом точку, но они решили все-таки пойти по следам внедрений. Последнее из зарегистрированных изобретений Барсика представляло собой некое автоматическое устройство, при помощи которого обычное пиво можно было превращать в водку, причем заранее заданной крепости. Автомат был закуплен в Израиле. Имя владельца патента оказалось знакомым. Состоялась встреча на земле обетованной с бывшим однокурсником. Выяснилось, что во времена подписания сделки о продаже патента на водочный автомат Барсик проживал в Латвии. Где конкретно, израильский

друг уже не помнил, а записи того времени не сохранил. Барсик с тех пор не объявлялся...

Варвара заподозрила происки водочной мафии и попросила Аркадия прекратить розыск, но он впервые ее не послушал, и поиск продолжался.

В ходе его возникло еще одно знакомое друзьям имя: Руслан Бабахов, тоже бывший сокурсник, а ныне миллионер, владелец клиники в Швейцарии. Приобрел у Олега Барсукова патент на применение и изготовление препарата под названием «Антиболь», с помощью которого вот уже несколько лет совершал чудеса исцеления наркоманов и алкоголиков.

Аркадий с Дином оплатили Марку Листовскому поездку в Швейцарию, откуда тот прибыл с последней информацией. Клиника реально существует, процент исцеленных достаточно велик. Кстати, препарат Барсик изобрел для себя — и вылечился! Клинику они с Бабахой создали совместно, в Москве. Но вскоре Барсик вышел из дела и уехал в Латвию осуществлять новые проекты — в области строительства. Больше ничего Бабаха сообщить не смог, поскольку с тех пор не имел о нем никаких сведений.

Аркадий съездил в Швейцарию сам, чтобы убедиться в достоверности информации, но безрезультатно. И хотя друзья решили идти до конца, расследование с места не двигалось.

«Сколько раз нам с Ариком придется расставаться, пока у этой истории не появится финал», — думала Варвара, приближаясь к дому.

Дойдя до своего подъезда, она подняла голову и, увидев на балконе бабушку Лялю, помахала ей рукой.

Войдя в квартиру, она сразу прошла на кухню и включила чайник.

Странно, что бабушка не вышла ей навстречу. Неужели она все еще на балконе?

Так и было. Через стекло балконных дверей Варвара увидела ее прямую спину, закутанную в новый клетчатый плед — ее подарок. Наверное, Лолита Александровна, известная художница, рисовала. Чем еще она могла так долго заниматься на балконе?

...Бабушку Варвары, мать ее отца Миши, звали Лолита Александровна, но все называли ее Лялей. Она вышла замуж за Льва Полякова в двадцать. Ему пришлось ухаживать за ней три года, пока рассудительная Лолита Яснопольская не убедил

лась, что этому щеголю, красавцу и остроумцу можно доверить свою судьбу. Они прожили вместе счастливейших сорок пять лет. Левик и Ляля.

Когда он вдруг скоропостижно скончался, ее одолела черная меланхолия, ей даже не хотелось жить. Сын работал в Германии, у внучки была своя семья, и ей не о ком было заботиться.

Однажды она взяла мольберт и краски и написала свою первую картину. Это был морской пейзаж — осенний закат на Рижском взморье. Потом ей захотелось запечатлеть еще один великолепный закат, а потом еще и еще... Она стала писать за-каты и дарить их родным и близким. Когда картин скопилось достаточно много, Михаил уговорил мать устроить в Германии ее персональную выставку.

Успех превзошел все ожидания. О Лолите Поляковой заговорили. Всего за пять лет она сделалась европейской зна-менитостью. Мир искусства называл ее «Леди-Которая-Пишет-Закат». Картины хорошо продавались, но деньги таяли в ее руках. Она окружала себя молодыми художниками, которым всячески помогала, в том числе и материально...

— Закат пишешь? — крикнула Варвара через балконную дверь. — Выходи, пожалуйста! Ты же замерзнешь!

Бабушка Ляля, глядя на нее, вдруг захохотала.

— Я бы с удовольствием, но дверь-то захлопнулась!

Освобождая бабушку Лялю из балконного плена, Варвара не переставала причитать:

— Ты там чуть не обледенела, а я, кретинка, на кухне возилась! Что ж ты не крикнула?

— Не волнуйся, Вавочка. Я дышала свежим воздухом, мне что-то нехорошо стало, голова немного закружилась.

— Это все черемуха проклятая. У меня тоже голова от нее трещит.

— Черемуха, говоришь, — задумчиво протянула бабушка Ляля. — Да, наверное... Хотя странно — запах был, а потом про-пал. Или я просто перестала замечать его... Знаешь, я боялась, что ты вдруг вздумаешь уехать с Аркадием.

— А я чуть не уехала, — призналась Варвара. — Позвонила тебе, ты не подходишь, вот я и отказалась.

— Мне очень жаль, Вавочка, но, право, я не виновата... Когда дверь захлопнулась, я стала смотреть вниз, не пройдет ли

какая-нибудь мало-мальски знакомая личность, чтобы попросить позвонить тебе по мобильнику. Но, как назло, никого не было. И вот, прямо перед твоим приходом из трейлера выпрыгнул человек в противогазе... Да, трейлер... Были разные машины — легковые, грузовые... Они приезжали и уезжали, а трейлер все стоял и стоял. Это мне показалось странным. Потом запах... Потом — человек в противогазе. Я его окликнула:

— Молодой человек, помогите!

А он посмотрел вверх да как рванул со двора — и вмиг исчез.

— Противогаз, говоришь? Вот черт! Лялечка! Это был газ! Его так и называют: «черемуха». Нервно-паралитический газ! Я немедленно звоню в полицию.

Варвара набрала номер знакомого следователя из их районного отделения полиции.

— Марис, это Варвара Лагина. Как хорошо, что вы на работе!

— Что-то случилось? — встревожился следователь.

— Я не знаю, но в нашем дворе творится что-то странное.

Там стоит брошенный трейлер и пахло черемухой... то есть газом.

— Почему вы так решили?

— Где-то минут пятнадцать назад из трейлера выскочил человек в противогазе и побежал в сторону улицы Валдемара.

Лейтенант всерьез всполошился:

— Варвара Михайловна, я вас настоятельно прошу, не вздумайте выходить на улицу! Сидите дома, закройте окна и балконные двери, вы слышите меня?

— Так точно, лейтенант! — с готовностью отозвалась Варвара и, швырнув трубку на рычаг, ринулась в кладовку за своим противогазом. Подхватив мобильник, она крикнула Лолите: — Звони в службу спасения — 112! — и бросилась на лестничную клетку к лифту.

Во дворе было по-прежнему безлюдно. Двери трейлера оказались не заперты и легко распахнулись. Варвара подтянулась и забралась внутрь.

Трейлер был нафарширован звукозаписывающим оборудованием образца середины прошлого века, с огромными пустыми пластиковыми бобинами, а на полу лежал без сознания какой-то человек.

Варвара подтащила мужчину за ноги к дверям, выпрыгнула, взяла его, словно ребенка, на руки и чуть не упала вместе с ним — он оказался тяжелым, как штанга.

Положив его на землю, она попыталась надеть на него свой противогаз, но невольно замешкалась — его лицо! Она его узнала, хотя не видела уже много лет. Урал Васильевич Морозов — вот как его звали. Когда-то, давным-давно, между ними были серьезные отношения, и она даже подумывала, не принять ли его предложение.

В тот же миг Варвару оглушил нестройный вой сирен, и во двор ворвались «Омега», полицейский джип, скорая-реанимобиль и пожарная машина. Из них высыпали люди в пятнистом камуфляже и белых халатах — все в противогазах. Санитары первым делом схватили Варвару и натянули ей на голову пресловутое «изделие № 1», а потом оттеснили от раненого, и ею занялся какой-то «противогаз в штатском». Он отвел ее в джип, усадил на заднее сиденье, устроился рядом и раскрыл перед Варварой удостоверение полиции безопасности. «Старший лейтенант Константин Вареник». Затем засыпал ее вопросами: кто она, имя, фамилия, адрес, персональный код? Кем ей приходится этот человек? Что здесь произошло?

Варвара рассказала все, лишь об одном умолчала: что раненый ей хорошо знаком. Она видела, как Уралу Васильевичу ввели антидот, погрузили на носилки, засунули в реанимобиль, и машина тут же сорвалась с места.

По двору с мегафоном в руке носился следователь Марис Кисис и приказывал всем жильцам отойти от окон. Тем временем отряд «Омеги», обследовав внутренность трейлера, разделился на группы и ринулся по подъездам.

Спецагент Константин Вареник попросил Варвару записать номер его телефона и позвонить, если она вспомнит еще что-нибудь. Внезапно у него в кармане заверещал мобильник, и Варвара услышала, как ему прокричали: «Квартира двенадцать, Варвара Лагина!». Вареник дал отбой, внимательно посмотрел на нее и поинтересовался:

— Вам известно, что в вашей квартире были установлены микрофоны?

Варвара вздрогнула, не веря своим ушам:

— В моей?!

- Номер двенадцать — это же ваша квартира?
- Моя... — растерянно подтвердила она. — Но для чего?!

Это ошибка...

— Госпожа Лагина! По ошибке никому микрофоны не устанавливают.

— Ну, я не знаю... Зачем меня подслушивать? Я всего лишь бухгалтер на нескольких частных фирмах, даже не хозяйка.

Но Вареник продолжал настаивать:

— Подумайте как следует, что у вас могли выведывать, и сообщите мне. А теперь ступайте домой, я вас в скором времени навешу.

— Непременно! — откликнулась Варвара, хотя на самом деле едва удержалась, чтобы не ляпнуть: «Будете проходить мимо — проходите!»

Глава вторая,

в которой следователь

Марис Кисис умывает руки,

а у Варвары рушится личное счастье

— ...Видишь, Лялечка, вон тот, небольшого роста, остроносенький, — это лейтенант Марис Кисис, — говорила Варвара, стоя с бабушкой у закрытого окна.

Марис надрывался в мегафон:

— Всем отойти от окон!

Бабушка с внучкой неохотно подчинились.

Усаживаясь в кресло, Лолита Александровна кинула проницательный взгляд на Варвару и проговорила своим звучным контральто:

— А ведь ты на самом деле в курсе, почему за тобой вели слежку и почему ко всем моим картинам микрофоны шпионские прилеплены.

— Я не в курсе. Разве что предположения...

— Это не может быть связано с Богданом Боровичем?

Он же вроде в бегах?

Когда-то Варвара работала бухгалтером-консультантом у криминального авторитета Богдана Боровича.

— В моей квартире лет сто даже имени этого не произносили, — прошептала она.

— Уверена?

— Ну, по крайней мере, полгода... Может, скоро все прояснится. Потому что там, в трейлере, лежал... Ни за что не догадаешься! Урал Васильевич Морозов. Помнишь его?

— Конечно. Он хотел на тебе жениться. А потом, когда ты за Лагина собралась, долго надеялся, что я смогу на тебя повлиять. Как давно это было! Левик еще был с нами... А ты не ошиблась?

— Я его сразу узнала. Он почти не изменился, только седина появилась.

— Он тебе что-нибудь сказал?

— Он был без сознания.

...Полчаса спустя Марис Кисис вошел в Варварину квартиру, и обеим женщинам пришлось призвать на помощь все свое воспитание, чтобы немедленно не накинуться на него с расспросами.

— Марис, вы с нами ужинаете, — непререкаемым тоном заявила Варвара. — Мы с Лялей умираем с голоду, за столом и побеседуем.

Возражения не принимаются.

— Парня из трейлера отвезли в больницу, — откашлявшись, заговорил Марис, не выдержав нетерпеливых взглядов хозяйек. — Врач сказал, жить будет. А газ действительно «черемуха». А там, где «черемуха», считай, спецслужбы расписались.

Лолита ахнула:

— Значит, тот человек в противогазе был из шпионов?

— Вряд ли нам скажут. Просто намекнули, что дело здесь не нашего скромного ума, и моя задача — только опросить свидетелей. Варвара, расскажите все по порядку. Это правда, или я чего-то не понял — у вас нашли микрофоны? Кто за вами следит?

— Понятия не имею. Единственное, что могу сказать... Парень из трейлера — Урал Васильевич Морозов. Только ему уже под пятьдесят, этому парню. Старый знакомый.

— Урал Морозов — давний Вавочкин поклонник, — вмешалась Лялино контральто.

Марис потрясенно заморгал:

— Бытовуха? Ревность? А может, ваш Лагин замешан?

Варвара возмущенно крикнула:

— Марис, опомнитесь! — и тут же всплеснула руками: — Какая же я идиотка! Барсик! Они тоже ищут Барсика! И решили нас с Ариком прослушивать... Вы же в курсе — Олег Барсуков, друг Аркадия, изобретатель.

— Ну да, да... А в связи с чем его разыскивают?

— Я разве не рассказывала про его изобретения?

— Ах, это... Ладно, надо поподробнее узнать про вашего Урала. Спасибо за вкусный ужин. А теперь ведите меня к своему компьютеру.

Варвара провела сыщика в кабинет, усадила у дисплея, и, пока он рылся в своих служебных справочно-поисковых системах, они с Лолитой прибирали на кухне.

— Я готов! — донеслось из кабинета. — Могу распечатать одну страницу?

— Конечно, только не выключайте компьютер!

Марис появился на пороге кухни с листком бумаги в руке.

— Значит, так, — начал он, наблюдая за реакцией обеих женщин, — Урал Васильевич Морозов. Гражданин России. В Латвии находится по гостевой визе. Военное прошлое. Судя по скудости российских данных, был связан с разведкой...

— А теперь? Теперь он с разведкой не связан? — перебила его Варвара.

— Вроде нет. Теперь он частный детектив. Имеет в Москве сыскную контору под названием «Друг». И даже страницу в Интернете. Вот, смотрите.

— Значит, это все его штучки? Урала? Выходит, его наняли спецагенты? Послушать, что Карелов накопал про Барсика?

— Глупо, — подала голос Лолита Александровна. — Что мешало Уралу встретиться с тобой или Аркадием и расспросить вас?

— Что-то, видно, мешало... Как бы то ни было, он разузнал что-то такое, что огласке, как говорится, не подлежало. И его попытались ликвидировать, а записи прихватили... Лялечка, у того мужчины, который убежал из трейлера в противогазе, что у него было в руках?

— Я ничего не заметила...

— Непонятно... Скажите, Марис, а этим газом и в самом деле можно... Немедленно звоните в больницу!

Следователь позвонил в справочную больницы и узнал, что пострадавшего от отравления газом анонима поместили в обычную палату номер четыре, первый этаж.

— Завтра утром вместе съездим к нему, — обратился он к Варваре. — Сегодня все равно никого не пустят, — и, тепло пожав Варварину руку, поспешил в коридор. — Сидите дома, завтра я с вами свяжусь, — донеслось уже с порога.

Только успела за сыщиком захлопнуться дверь, как Варвара опрометью бросилась к компьютеру.

— Что с тобой? — удивилась Лолита. — Чуть с ног меня не сбила.

— Прости великодушно, Лялечка, мне нужна твоя помощь, срочно! Помоги соорудить удостоверение работника полиции безопасности. Я видела, как оно выглядит, только без тебя у меня не получится.

— Все-таки собираешься к Уралу в больницу? Вавочка, это же противозаконно! Тебя посадят! Давай, мы тебе визитку изобразим. Все-таки не подделка документов. И фотографии не потребуется.

Они немного повозились с дизайнерскими программами.

Первый вариант визитки не удовлетворил Варвару, второй — Лолиту. Третий понравился обоим. Варвара скромно присвоила себе звание лейтенанта латвийской полиции безопасности и назвалась нелепым именем Гертруда Ханхудрикова.

— Все, я помчалась!

— Постой. Тебя разве что слепой не запомнит, с твоей внешностью.

— Я волосы под берет спрячу.

— Подожди... — продолжала размышлять Лолита Александровна. — Если нельзя утаить яркие приметы, можно сбить с толку другими яркими приметами. Твоя Ханхудрикова, она ведь южного происхождения? Давай-ка мы из тебя «Смуглую леди сонетов» изобразим. Неси-ка сюда всю свою косметику!

Лолита загримировала Варвару почти под мулатку, нарядила в темно-серые цвета и напоследок напутствовала:

— Будь осторожна, ни во что не ввязывайся. Я жду на телефоне.

Выскочив из такси, Варвара промчалась через проходную больницы и залетела в приемный покой. Сунула визитку под нос дежурной санитарке и проговорила, подчеркнуто картавя:

— Мне надо п`гойти в четве`гтую палату. С`гочно.

Дежурная закричала ей вслед:

— Госпожа Ханхудрикова! Пойдите! Наденьте, пожалуйста, халат и бахилы! А четвертая палата в другом конце коридора.

Варвара натянула на туфли пластиковые мешочки, накинула на свитер халат и гордо зашагала вперед. Никакой охраны перед палатой, как она опасалась, выставлено не было. И дверь не заперта. Она шагнула внутрь.

В палате было пусто. Смятая кровать. Распахнутое окно.

Первым ее побуждением было броситься к дежурной, поднять панику, организовать погоню. Но она сдержалась. Если подумать... Урал сбежал. Значит, жив-здоров и считает, что его и здесь смогут достать... Надо дать ему время скрыться.

Варвара вышла, тихо прикрыв за собой дверь, и оглянулась — в коридоре по-прежнему ни души.

Неожиданно зазвонил ее мобильник, и из трубки посыпалась мужская напористая скороговорка:

— Варенька, спасибо тебе, ты — человек! Прости, если можешь, только не надо меня разыскивать.

Урал! Его голос и манера говорить...

— Ты где?

— Ничего не предпринимай! Только Карелову передай: пусть опасается Дениса Торкача! Это самое главное!

— Дин — его лучший друг! — крикнула Варвара, но связь уже прервалась.

Варвара двинулась по коридору с мобильником в руке, набирая на ходу номер Аркадия.

— Варенька, ты! Соскучилась? — обрадовался Аркадий, услышав ее голос, но тут же встревожился: — Что-то случилось? Ты в порядке?

— Я в порядке. Но тут у нас дома появились проблемы... Послушай, Арик, и не перебивай, пожалуйста. Ты в опасности. Я боюсь за тебя. У нас во дворе произошло ЧП. Там стоял трейлер, как оказалось, оборудованный для подслушивания, и в нем чуть не убили человека. Полиция нашла микрофоны в моей квартире! То есть прослушивали нас с тобой! Преступник сбежал, а в пост-

радавшем я узнала Урала Морозова — моего старого знакомого. Марис Кисис для меня пробил его по своим картотекам и выяснил, что он в прошлом военный разведчик, а ныне — частный детектив, гражданин России и проживает в Москве. Я рванула к нему в больницу, узнать, что и как, но он скрылся. Теперь не знаю, что делать, куда бежать... Но самое главное, Урал позвонил мне и сообщил, чтобы ты опасался Дениса Торкача! Ты понял? Он сказал, это самое главное! Ты хорошо меня слышишь? Умоляю, будь осторожен! Поговори с Дином. Выходит, это он нанял Урала за тобой следить? Или Урал что-то попутно про Дина выяснил. Нет, ты лучше ему ничего не говори, просто постарайся раздобыть его финансовые документы, и я их проверю...

В трубке было тихо, Аркадий никак не отреагировал на ее слова.

— Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь, а то у меня батарейка садится!

И тут он буквально прошелестел:

— Не звони мне больше... Слышать тебя не могу... Никогда больше не звони! — раздались короткие гудки.

— Госпожа Ханхудрикова, госпожа Ханхудрикова! Вы забыли снять халат! И бахилы! — надрывалась ей вслед дежурная.

...Дома Варвара тихонько прокралась в ванную, набрала горячей воды и, лежа в ванне, беззвучно заплакала. А когда наконец успокоилась, закуталась в махровый халат и, осторожно ступая, вышла в коридор. На кухне горел свет, Лолита Александровна сидела за столом.

— Иди спать, Лялечка, я хочу покурить.

— Ты же вроде бросила.

— Бросишь тут, с моими стрессами.

— Ладно, кури и рассказывай, что произошло.

— Не переживай, — успокоила ее Лолита. — Еще помирись.

— Он меня разлюбил.

— Он был в шоке, и его слова не надо воспринимать буквально. Они значили только одно — ему причинили боль.

— Я причинила.

— Ты не виновата. Все наладится, поверь мне. Только в депрессию не впадай!

Варвара шмыгнула носом.

— Не волнуйся за меня, Лялечка. Я больше не собираюсь разводиться сырьем. Ну, была любовь и сплыла... В первый раз, что ли... У меня есть ты, Дашурка, мама, папа, друзья замечательные. Все живы-здоровы... Можно прожить и с разбитым сердцем. Не привыкать.

Глава третья,

*в которой частный детектив
Феликс Муравьев неожиданно
становится альтруистом*

Феликс Муравьев медленно ехал по улице Чака, мурлыкая привязавшийся куплет из старинного романа.

Ему не терпелось обнять свою Нору, и он досадовал, что прозевал нужный поворот. Недавно они отпраздновали три месяца со дня их свадьбы. Скоро будет год, как они знакомы, а Феликс все еще был влюблен в свою жену, как ненормальный.

Частный детектив Феликс Муравьев возвращался из Юрмалы с республиканского турнира по бриджу.

Рывками передвигаясь по забитой машинами улице, Феликс вдруг обратил внимание, что возле подвального бара с игральными автоматами под чудным названием «Наполионе» что-то происходит. Оттуда раздавались крикливые мужские голоса и хнычущий женский, почти детский... Внезапно из проема распахнувшихся дверей бара вывалилась совсем юная девица в коротких золотых шортах, красных босоножках на высоком каблучке и чисто символической блестящей маечке, не прикрывающей плоского живота. Она чуть ли не на четвереньках проползла по ступенькам, с трудом поднялась и, шатаясь, сделала несколько шагов по тротуару. Затем покачнулась и тихо заскулила, схватившись руками за живот.

Поддавшись импульсу, Феликс выскочил на улицу, подбежал к ней и, аккуратно поддерживая девушку, усадил ее в машину.

Потом достал аптечку, сунул ей под нос пузырек с нашатырем, заблокировал двери и отъехал.

Девочка сидела тихо. Феликс не выдержал, повернулся к ней и увидел бледно-серое лицо с побелевшими глазами.

— Как ты, лучше? Отвезти тебя в больницу? Ты ведь таблеток наглоталась?

Она испуганно захныкала:

- Нет, нет, не надо, пожалуйста...
- А куда? Где ты живешь?
- Я не помню...
- Ладно, поехали ко мне, потом разберемся.

Девочка слабо запротестовала.

- Тогда все-таки в больницу?
- Нет! Не надо! Пожалуйста, дяденька! Не надо!
- Как же мне тебя не хватало, «племянница»! Наконец-то ты нашлась на мою голову! — хмыкнул Феликс и замолчал — «племянница» в полной отключке тяжело сопела на заднем сиденье.

Сине-черный BMW медленно сполз по пандусу в подземный гараж общего пользования. Поставив машину на обычное место, Феликс вылез, и только взялся за ручку задней дверцы, собираясь вытащить девицу, как вдруг увидел, что он здесь уже не один. В гараж вплывал темно-вишневый «ауди» самой любопытной из его соседей.

Пришлось оставить девочку и помогать соседке волочь до ее квартиры тяжелый пакет с продуктами.

Проводив соседку, Феликс решил зайти сначала домой и рассказать все Норе, а потом вернуться за «племянницей».

Увидев мужа, Нора по-девчоночьи заверещала, вспорхнула и бросилась к нему на шею:

- Фэффик, наконец-то!

Он крепко обнял ее, приподнял, покружил.

— Будешь меня утешать? Мы с Гиеной проиграли большой шлем!

— К черту гиен, к черту шлемы! У меня по-тря-са-ю-ща-я новость!

- Серьезно? Выкладывай!
- У нас будет ребенок!

Лицо Феликса просияло.

- Я счастлив, — откровенно признался он.

Когда Нора заснула, Феликс позвонил матери. Хотя было уже поздно, Сильвия еще не спала, и он напросился к ней в гости.

Свою мать Феликс в шутку называл Баронессой — последние десять лет Сильвия официально носила этот титул, а также добилась признания графского титула для своего единственного сына, что лично для него не имело никакого значения.

Баронесса распорядилась наследственными миллионами столь «удачно», что от пролившегося на них золотого дождя уцелели один-единственный банковский вклад и один-единственный особняк.

Сильвия сидела за высоким старинным бюро из красного дерева и с появлением сына резко подняла голову.

— Что случилось? Подожди, угадаю: ты выиграл главный приз?

— Не напоминай мне о сегодняшнем позоре!

— Тогда закончил свою книгу по криминологии.

— При чем здесь книга? Ты скоро станешь бабушкой!

— Ах! Это только для тебя последний месяц оставалось секретом. И как скоро?

— Не знаю... месяцев через семь...

— Прекрасно. Тогда выпьем за Нору.

За Нору Феликс осушил полный бокал. Сильвия сделала пару глотков и произнесла деловитым тоном:

— Извини, мне еще надо поработать с бумагами. Время уже позднее, а утром у меня самолет в Стокгольм.

— Судебное заседание? Очередное?

— Надеюсь, последнее.

Феликс не выдержал и выпалил напрямую:

— Сколько лет я это слышу? Я тебя никогда не упрекал.

Но что скажет твой внук, когда узнает, какие огромные средства просадила его бабушка в бессмысленной тяжбе за алмазные копи!

Баронесса никак не отреагировала на выпад, лишь слегка приподняла свои соболиные брови.

— Лучше подумай, что скажет твой ребенок — наследник алмазных копей, — когда узнает, что его отец пальцем не шевельнул, чтобы помочь бабушке их вернуть! А если намекаешь, что я слишком расточительна, так не забывай: я искусствовед международного класса, и мои консультации достаточно высоко оплачиваются.

Феликс уже не на шутку встревожился и принялся горячо ее убеждать:

— Мама, выкинь из головы эти проклятые алмазы. Неужели ты не понимаешь, как дешево нанять в нашей стране киллера?!

— Ты по-прежнему не веришь результатам расследования? Полагаешь, что происшествие на вашей свадьбе имеет отношение

ко мне лично? Но ведь никто не пострадал от того взрыва, и у полиции другая версия... Да и сам ты не обнаружил ничего, что бы подтверждало твои подозрения.

— Ну да... Не считая снимка спины неизвестного...

Существует примета: если во время свадебного торжества пройдет дождь, брак будет долгим и счастливым. Свадьба Феликса и Норы состоялась в конце января. Зима была морозной — и до этого дня, и после. А буквально накануне потеплело до плюс десяти, и когда новобрачные вышли из собора после церемонии венчания, их встретил настоящий весенний ливень.

Свидетели — Варвара Лагина и Аркадий Карелов — сбегали в магазин за зонтиками и, пока дождь не кончился, держали прозрачные купола над головами молодых. Блистательный свадебный кортеж прокатился по всему городу, а около сквера на перекрестке Бривибас и Элизабетес машины остановились, и новобрачные вышли.

Можно сказать, это был подарок судьбы, так как сзади, где в этот момент должна была проезжать свадебная процессия, рвануло с такой силой, что все буквально оцепенели. К счастью, обошлось без жертв, не считая двух припаркованных вблизи эпицентра взрыва автомобилей и разбитых витрин.

Глава четвертая,

в которой

Гиена пророчит

Феликсу неприятности

...Следствие по факту взрыва остановилось на версии бизнес-разборок, но, так как никому из подозреваемых предъявить обвинения не смогло, на этом все и застопорилось.

У частного детектива Феликса Муравьева имелась собственная версия — покушение на его семью. Причина — баронессины алмазы. Он просмотрел все видеозаписи и все фотографии собственной свадьбы. Отобрал кадры, снятые на месте взрыва, и наконец зафиксировал то, чего прежде не заметил.

Напротив нового здания офисного центра, вблизи которого произошел взрыв, на другой стороне улицы стоял дом старой постройки. В нем зиял пустыми оконными проемами весь третий

этаж, выселенный и готовый к ремонту. Внезапно стало видно, как в одном из окон появился пожилой человек в сером плаще. В руке у него было нечто, похожее на пульт дистанционного управления. В момент, когда его зафиксировала видеочкамера, он поворачивался спиной, пряча лицо в воротник.

Феликс передал свою находку следователю, занимавшемуся делом о взрыве, Валерию Земянову, и тот еще раз внимательно осмотрел место происшествия, но никаких отпечатков и следов не обнаружил. Кроме нескольких седых волосинок и крошечного кусочка серой плащевой ткани.

— Я все-таки склонна доверять результатам следствия, — задумчиво проговорила Баронесса. — А тебе, как мужчине, наверное, непросто признать, что был неправ... — она вдруг улыбнулась и подошла к секретеру.

Выдвинув секретный ящичек, извлекла из него небольшую кожаную коробочку и достала пару бриллиантовых сережек грушевидной формы.

— Эти бриллианты подарил мне Евгений в такой же день, как у тебя сегодня: когда я ему сообщила, что у нас будет ребенок... Это очень дорогие камни, редкие. Желтые бриллианты чистой воды. Подари их Норе.

Феликс нежно обнял Сильвию за плечи.

— Спасибо, дорогая. Я тебя очень люблю.

— Иди, иди к своей красавице...

...Феликс прошел зимним садом, соединяющим обе части здания, и внезапно остановился, хлопнув себя по лбу. Как же он мог забыть — девочка! В гараже! Он оставил в гараже чужую девочку! Идиот!

Он понесся к лифту и спустился прямо в гараж. Добежал до своего BMW, открыл дверь и...

Девочка неподвижно лежала на заднем сиденье и по-прежнему тяжело дышала, приоткрыв рот. Она так и не проснулась, пока он вытаскивал ее из машины и нес на руках к лифту.

У себя в кабинете Феликс уложил девочку на диван и только повернулся, чтобы взять с кресла плед, как неожиданно в глаза ему резанул яркий свет. На пороге стояла Нора и потрясенно таращилась на него.

— Фэффик, это что? Твоя эротическая фантазия? Ведь она совсем еще девочка... А ты чудовище... Все вы, мужики, чудовища! Какой ужас! И я собралась рожать ему ребенка...

Феликс бросился к Норе, усадил ее в кресло и попытался объяснить:

— Ты хоть понимаешь, что говоришь, родная? Взгляни на эту чучелку! Она же в отключке! Она уличная проститутка... Подонки из бара «Наполионе» накачали ее таблетками. Бедняжке стало плохо на улице, и я ее подобрал...

«Чучелка» вдруг подала признаки жизни: зашевелилась, открыла совершенно мутные глаза, сиюсь что-то произнести, и снова отключилась.

Нора подошла к девушке, пощупала ей лоб, пульс и повернулась к Феликсу:

— Что делать? Звонить в скорую?

— Я позвоню Ванде.

— Но она же не труп? И потом, уже ночь, неудобно будить человека...

...Ванда Заблецка, судмедэксперт по прозвищу Гиена, была приятельницей Феликса и постоянной его партнершей по бриджу. Прозвище свое она заслужила за редкое профессиональное рвение по отношению к мертвым и высокомерное презрение к живым.

— Гиены по ночам не спят, — усмехнулся Феликс и набрал мобильный Ванды.

Гиена в самом деле еще не ложилась и охотно откликнулась на просьбу Феликса.

Уже минут через пятнадцать раздался звонок в дверь. На пороге стояла Ванда Заблецка. Вместо приветствия она невозмутимо выдала:

— Ну, и где же тело убитого соперника?

— Неужели я похож на Дон Жуана? — фыркнул Феликс, делая приглашающий жест. — Туда, в кабинет, пожалуйста.

Зайдя в комнату, Ванда увидела лежащую на диване незнакомую девушку и на мгновение удивленно застыла.

— Поможешь, Ванда? Похоже, у нее передоз.

Не задавая вопросов, Гиена велела Норе раздеть девочку и внимательно ее осмотрела.

— Жить будет! Но придется забрать ее в больницу, под капельницу. Слишком много времени она проспала — простое

промывание желудка не поможет. Пусть Нора даст ей рубашку, халат и тапочки.

— Можно положить ее в отдельную палату и приставить к ней ночную сиделку? — вмешался Феликс.

— Даже охрану. А когда она проспится, поступишь с ней, как считаешь нужным. Да, чуть не забыла. Ты проверил ее карманы?

— Проверил.

— Нашел что-нибудь?

— Практически ничего, только какую-то капсулу.

— Покажи! — Гиена взяла в руки розовую капсулку и поднесла ее поближе к свету. Тебе известно, что это такое?

— Нет. Сможешь отдать на экспертизу?

— Попробую.

Уже в гараже Ванда вдруг заговорщицки прищурила свои жуткие глаза:

— Скажи честно, это твоя знакомая?

— Ванда, я не любитель продажного секса. Я ее совсем не знаю. Просто у нее был такой жалкий вид, что мне захотелось помочь.

— А что будешь делать, когда она проснется?

— Посажу в такси и отправлю домой.

— Хорошо. Только что-то мне не верится, что ты поступишь именно так.

— А как, по-твоему?

— Снова привезешь к себе, станешь о ней заботиться и поимеешь кучу проблем.

— Уже поимел.

— Это только начало! — радостно пообещала Гиена. — Ладно, мне пора. У меня тоже есть семья. Жди моего звонка, друг!

Глава пятая,

в которой Варвара

дает молодой журналистке

кучу материала для расследования

Бабушка Ляля давно не приезжала в Ригу просто так, навестить внучку. Вот и на сей раз она прибыла на открытие совместной

выставки со своим протеже, молодым скульптором Робертом Лиладзе. Проект на этом не завершался. После Латвии экспозиция перемещалась в Москву и Питер, потом в Швейцарию (Лозанна и Цюрих) и, наконец, в Париж.

...Варвара встала пораньше, чтобы отвезти Лолиту в «Киногалерею», где у них с Робертом проходили последние приготовления к открытию выставки. А вечером намечался праздничный ужин.

Она заскочила на кухню, чтобы включить чайник, и увидела, что бабушка Ляля уже сидит за столом в японском кимоно и пьет свой черный кофе с корицей и «капелькой коньяку».

— Доброе утро!

— Привет! — прозвучало ей в ответ.

— Что так рано? Могла бы еще поспать.

— Мне надо успеть в гостиницу — все мои вещи там, а я у тебя задержалась. За мной Роберт заедет.

— Я думала, ты у меня останешься...

— Не обижайся, Вавочка, так всем нам будет удобней.

— А вечер? Я народ на ужин созвала. И Дашенька приедет.

— Заметано, — лаконично отозвалась Лолита Александровна.

И тут раздался звонок в дверь. Варвара пошла открывать, взглянула в глазок и увидела на лестничной площадке незнакомую девочку, по-карнавальному раскрашенную.

Оказавшись лицом к лицу с незваной гостьей, она поняла, что перед ней вовсе не подросток, а молодая девушка, только очень маленького роста, невзирая на высокие каблуки, видневшиеся из-под бахромы джинсов. Ее короткие темные волосы были выкрашены разноцветными волнами: синей, изумрудно-зеленой и ярко-розовой, а на хрупком плечике висела несоразмерно большая сумка.

— Здравствуйте, вы Лагина Варвара Михайловна? А я Елизавета Сидорова, корреспондент газеты «Рижские новости», отдел криминальной хроники, — пропищала девица, протягивая раскрытое удостоверение.

— Ляля, с тобой договаривались из газеты? — крикнула Варвара Лолите Александровне, пропуская журналистку в коридор.

Художница величаво выплыла из дверей кухни.

— Никто со мной не договаривался.

— Ой, вы же Лолита Полякова! — восторженно взвизгнула журналистка. — Леди-Которая-Пишет-Закат! Как мне повезло! Дадите интервью?

— А почему вы не позвонили заранее? — поинтересовалась Варвара, принимая строгий вид.

Девушка слегка смутилась.

— Видите ли, меня обычно принимают за ребенка и не хотят со мной разговаривать... А мне уже двадцать четыре, я закончила Московский полиграфический институт, между прочим, с красным дипломом. Я пришла поговорить с вами по поводу субботнего происшествия в вашем дворе, мне в полиции посоветовали... Пожалуйста, для меня так важно выполнить это редакционное задание...

— Проходите, Елизавета, ради бога, не расстраивайтесь, — сжалилась, наконец, Варвара. — Поймите и меня: я женщина одинокая, должна быть начеку. Садитесь вот сюда. Вам кофе или чаю?

— Кофе. Если можно, покрепче! Так вы дадите мне интервью?

— Конечно. Более того — еще получите кучу информации для вашего журналистского расследования.

— Правда? Класс!

— Если только поклянетесь, что не запишете на диктофон.

— Клянусь! Но я и так не смогла бы записать — диктофон сломан и потерян. А новый в редакции еще нескоро выдадут...

— Хорошо. Начнем с того, что вам сказали в полиции.

Елизавета старательно отчиталась про трейлер, про прослушку, про пострадавшего.

— Я выяснила, в какой он больнице, и сразу двинула туда. Но его уже там не было, он сбежал. Я расспросила дежурную и поняла: побег ему организовали. В субботу в больнице побывала сотрудница полиции, некая Гертруда Ханхудрикова.

В дверях кухни появилась Лолита Александровна и указала рукой на внучку:

— Позвольте представить — сотрудник полиции Гертруда Ханхудрикова!

Елизавета сидела молча, хлопая накрашенными голубыми ресницами.

— Не обижайтесь, Вавочка вам все объяснит, — сквозь смех проговорила бабушка Ляля. — До свиданья, было приятно познакомиться. Приходите на открытие выставки в «Киногалерею»!

— Жду тебя с Робертом в семь! — напомнила ей на прощанье Варвара.

— Варвара Михайловна! — взмолилась журналистка. — Я что-то пропустила?

— Ничего не пропустили. Я действительно побывала в субботу ночью в больнице. Но Урала уже не было. Он исчез. Это мой старый знакомый. Но я к его исчезновению не имею никакого отношения, — и Варвара выложила журналистке все подробности, включая поиски Барсика и его изобретения. — Ну что? Беретесь за расследование?

— Еще спрашиваете! Такая сенсация сама в руки плывет! Мне так с вами повезло, Варвара Михайловна!

— Будьте осторожны. Трижды осторожны. А я чем смогу, помогу.

— Скажите честно, вы в меня не верите?

— Конечно, верю. Мне тут кое-что пришло на ум. Газ «черемуха» со смертельным эффектом доступен, наверное, только спецназу. Одно не вяжется: спецоперации проводятся в глубокой тайне, а тут столько шума было!

— Думаете, фальсификация улик?

— Именно!

— Постойте... Нечто подобное мне самой пришло в голову, но совсем по другому поводу. Когда к нам в редакцию поступила информация о самоубийстве Жоржа Бебриса...

— Что?!

— Вы еще не в курсе? Жорж Бебрис покончил с собой! Вы его знали?

Кто не знал Бебриса... Один из первых успешных предпринимателей в стране, тесно связанный с криминалом. Действующее лицо множества скандалов.

— Это просто невероятно! А как, из-за чего?

— Вроде из-за несчастной любви. Он оставил записку.

— Любовь?! У Бебриса?! Он застрелился?

— Повесился. Вернее, удавился. Прикрутил к батарее электрический шнур, другой конец намотал себе на шею и выбросился в окно, с мансарды своего роскошного дома. Так его

и обнаружили — свисающим из окна... Вот я и подумала: если кто-то с ним разделался, то имитация идеальная. В записке ни подписи, ни даты. Но полиция даже слышать не хочет об уголовном деле...

— А такой жуткий способ свести счеты с жизнью их не настораживает? — перебила Елизавету Варвара. — При том что повод для убийства долго искать бы не пришлось: у него было что грабить, было за что мстить, и темных делишек за ним водилось множество...

— Эксперты решили так: Бебрис со своим двухметровым ростом не смог повеситься, как все люди, на крюке от люстры, и выбрал такой вот изощренный способ.

— По-твоему, здесь действует один и тот же киллер? И тут, с Уралом, и там, с Бебрисом? Слушай, Лиза, а может, черт с ним, с расследованием? Жизнь, она дороже карьеры...

— Еще чего! Хватит того, что мое первое расследование, связанное с Бебрисом, редактор не принял. Знали бы вы, как оно мне дорого досталось!

— Ну, хорошо, Лизочка, тебя бесполезно отговаривать. И знаешь что? Приходи сегодня вечером к нам на ужин. В семь часов. А сейчас, извини, пожалуйста, мне пора. Куда тебя подвезти? Домой?

— В полицию.

— К Марису Кисису?

— Вы прозорливы!

— Работа такая.

— Какая — такая? Вы же бухгалтер!

— Ну да. Без прозорливости нам, бухгалтерам, никак нельзя.

Глава шестая,

*в которой Варвара готова
пустить в новую авантюру*

Варвара поднялась на лифте, и только успела выгрузиться из кабинки с тяжелыми пакетами, как навстречу кинулось любимое дитяtko — ростом под метр восемьдесят, с длинной льняной косой, с банданой на голове, в ушах — наушники, к груди прижата охалка сирени.

Даша забрала из рук Варвары пакеты, отдала ей плеер и цветы и зашагала прямо в кухню. Ее собственные вещи помещались в джинсовом рюкзачке на спине. Поставив пакеты на пол, она кинулась к Варваре.

— Мамулечка, зачем одинокой женщине такие груды продуктов?

— У одиноких женщин тоже иногда бывают праздники. К ним, например, приезжают дочери и бабушки, — степенно ответила Варвара, разбирая пакеты. — Сегодня у нас праздничный ужин, ты поможешь?

— Конечно. А кто будет?

— Роберт Лиладзе, бабушка Ляля, естественно, мама Ева со своим Валерием, Волковы, ну, и мы с тобой. И еще одна юная панкующая журналистка.

— Класс! А твой Аркадий все еще в Москве? Я его опять не увижу?

— У него же там бизнес. Я его вчера только проводила, — застыв с кухонным ножом в руке, Варвара вдруг добавила без всяких эмоций: — Ой, забыла. Мы с ним расстались.

— Ну, ты даешь... То-то Зося обрадуется... Ей никогда Аркадий не нравился. Потому что не она вас познакомила. Теперь снова начнет тебе женихов по Интернету искать!

— Дочь, ты какая-то недобрая стала! Марш в душ!

Варвара на скорую руку приготовила своему чаду завтрак, села напротив нее, подперев щеку рукой, смотрела, как дочь ест, и чувствовала себя счастливой.

— Послушай, а Мишуня скоро нас навестит? — неожиданно спросила она.

— Дедушка? А он разве тебе не сообщал? — удивилась Даша, откусывая очередную порцию бутерброда.

— Нет. Так он приезжает?

— Наверное, хотел сделать тебе сюрприз. Конечно, приезжает. Его пригласили на научный симпозиум. Он собирается спонсировать один научный проект, по проблемам торсионных полей. А на конференции якобы состоится экспертиза результатов опытов. Там все по-научному, с участием академиков.

Варвара всплеснула руками и огорченно покачала головой.

— Должно быть, с ним поработали профессиональные гипнотизеры. Или он в своей Германии совсем потерял чувство

реальности... Как обидно, как досадно... Он меня так и не послушался. А я ведь его отговаривала, когда он со мной советовался. Выслушала все эти бредни про «генератор чудес» и поняла: вот он, очередной психологический эксперимент по воздействию на массовое сознание, которым занимается пресловутый МИЭТ — так называемый Международный институт экспериментальных технологий. Готова спорить на что угодно, симпозиум по проблемам торсионных полей организовал этот самый МИЭТ. Мне тогда показалось, я убедила папу...

— Его сумели переубедить, — заявила Даша со знанием дела. — Мишуня мне рассказывал. Он просто влюбился в этот «генератор чудес». Кстати, он мне и книгу дал прочитать под таким названием — Юрия Долгушина. Мишуня видел этот генератор своими глазами и видел, как он работает. Его специально в Африку возили и с изобретателем познакомили.

— В какую Африку, что за бред?

— В пустыню Намиб, — обиделась Даша. — Там что-то вроде международного экспериментального полигона. Так вот, этот «генератор чудес» способен песок превращать в воду!

— Ладно, подожду вмешаться. Когда, говоришь, конференция?

— Точно не помню, где-то в следующем месяце...

Неожиданно из кабинета раздался сигнал электронной почты, и Варвара поспешила к своему компьютеру в предчувствии чего-то очень важного. Предчувствие ее не обмануло: это был Богдан Борович!

...В те времена, когда Варвара вынуждена была у Богдана работать, он, по официальной версии, занимался морскими перевозками. Но всем предпринимателям было известно: Богдан — серый кардинал у главного рэкетира Вани Рыбникова. Варваре тогда удалось сотворить новую систему учета и анализа, собственное ноу-хау, и отговорить Богдана от нескольких сомнительных сделок. Благодаря ей Богдан сделал головокружительную карьеру.

Время шло, ситуация менялась, и однажды наступил очередной передел. Богдан был вынужден бежать, и Варвара обрела свободу, благополучно забыв про чемодан, который Борович оставил ей на хранение при отъезде.

Полгода назад, когда он неожиданно объявился, прислав Варваре письмо по электронной почте, про чемодан пришлось вспомнить. В нем оказались огромная сумма долларов, николаевские червонцы и куча драгоценных камней. Богдан попросил отправить деньги на счет в швейцарском банке, а червонцы и драгоценности положить в индивидуальное хранилище рижского банка «РЭКС». Она так и сделала, считая, что ставит в этой истории точку. Но тут вспомнила, что у нее в доме хранилась информация, не менее опасная для жизни, чем бандитское золото-бриллианты, — старые дискеты с документооборотом богдановых предприятий. Сначала она хотела их уничтожить, а потом просто перепрятала в самое надежное убежище из всех, какие только могла изобрести.

Новое электронное послание Боровича содержало хорошо понятную Варваре просьбу: забрать из сейфа в банке «РЭКС» пресловутый чемодан с драгоценными камешками и золотыми монетами, срочно перевезти в Москву и поместить в сейф московского филиала того же банка. Просьба по форме сильно смахивала на приказ.

И чего это он раскомандовался? Варвара ответила «нет». И тут же получила еще одно письмо: «Домишко свой хочешь вернуть? В сейфе будет лежать купчая. После ответа «да» курьерской почтой высылаю подписанный контракт».

Против этого устоять было невозможно. Она ответила «да» и полетела в банк «РЭКС» за богдановым чемоданом.

ЧАСТЬ 2

Глава первая,

*в которой частному детективу
Феликсу Муравьеву заказывают
розыски... его самого*

Одетый в «рабочую униформу» — серый в искорку костюм с классически-полосатым галстуком, — Феликс сидел в своем офисе за дисплеем компьютера, уставясь на него невидящим взором.

Уже две недели он ждал хоть какого-нибудь клиента.

Детективное агентство Феликса скорее процветало, чем бедствовало, однако особняк Муравьевых, где он арендовал офис на последнем этаже, словно черная дыра, поглощал любые заработки и давно был Феликсу не по карману. Но как в этом признаться? Как переселиться в обычную квартиру? И Феликс брался за самые безнадежные дела, кроме, конечно, выбивания долгов и слежки супругов друг за другом — такова была его принципиальная позиция.

Секретарша Танечка бесшумно возникла на пороге кабинета с подносом в руках. Ее прямые темно-русые волосы падали на плечи каскадом изящных прядей, подчеркивая грациозный изгиб шеи. Чуть заостренный овал лица, тонкие черты, темные глубокие глаза, сохранявшие серьезное выражение, даже когда она улыбалась.

Ставя на стол кофейник и чашки, Танечка негромко заинтересовалась:

— Новости уже знаешь?

— Какие именно?

— Только что по радио сказали: «Покончил с собой известный латвийский предприниматель Жорж Бебрис».

— Да ты что?! Быть не может... Ты ничего не перепутала? Я вчера видел Бебриса в отеле «Дзинтари» на чемпионате по бриджу. Он играл в паре с настоящим асом. Приз не они получили, но денежный выигрыш все же отхватили. С чего вдруг ему было сводить счеты с жизнью? Бред какой-то...

Татьяна в ответ только пожалала плечами.

Феликс схватил мобильник и принялся названивать Ванде, но ее телефон был отключен. Тогда он вспомнил про старинного приятеля, следователя криминального отдела полиции Мариса Кисиса, бывшего коллегу. Набрал его рабочий номер, послушал короткие гудки, и в этот момент из приемной раздался сигнал переговорного устройства.

— Феликс, к нам клиенты! — радостно объявила Татьяна по селекторной связи и нежно пропела посетителям: — Здравствуйте! Поднимитесь, пожалуйста, по лестнице на третий этаж!

Минуту спустя в дверь его кабинета входили двое рослых молодых парней с мрачными набыченными лицами.

Феликс поднялся, не выходя из-за стола, и незаметно выдвинул ящик с пистолетом. Он сразу узнал парочку. Это были вчерашние «наполионовцы», безжалостно выставившие на улицу одуревшую «ночную фею».

— С кем имею честь? — холодно осведомился Феликс.

Один из сутенеров неожиданно протянул ему свою клешню и, гнусава, представился:

— Сергей Манюхин, менеджер фирмы «Наполионе».

Можно — Серж.

Феликс ошалело пожал протянутую руку и уже хотел убрать свою, как перед ним вынырнула пятерня второго:

— Гунтис Озолс, можно просто — Гунча.

— Рассказывайте, с чем пожаловали, — Феликс указал рукой на кресла и диван.

Сутенеры выбрали диван, дружно сели и так же дружно закурили.

— Господин Муравьев, вас рекомендовали самые авторитетные люди, — лстыиво начал Серж. — Бабло не вопрос. Сколько скажете, столько насыплем. Только разрулите проблему.

— И какие у вас проблемы?

— Надо разыскать, кто прикончил Бебриса...

— Нашего хозяина, — добавил Гунча.

— По официальным сведениям, он совершил самоубийство.

А у вас есть основания подозревать, что его убили?

— Жорж не из таких, — убежденно заявил Серж. — Уж у него-то жизнь удалась. Особняк отгрохал, жену-стерву выгнал, дочь в Англию на учебу отправил. Зачем ему вешаться?

— Разные бывают причины. А почему бы вам в полицию не обратиться?

— Менты считают, что он сам удавился. Какую-то записку, говорят, оставил. Стихи про любовь-морковь. Полная ахинея.

— Когда вы видели Бебриса в последний раз?

— Вчера вечером. Обычно он бывает у нас в баре по утрам.

Но возникли кое-какие проблемы...

— Мне нужно знать все до мелочей, иначе я сразу откажусь.

— Хорошо. Вчера вечером к нам в бар кто-то подослал девку с диктофоном. Мы ее расшифровали и выгнали. Сообщили шефу о происшествии. Он и примчался, устроил раздачу.

— А камера наблюдения ничего не зафиксировала?
— Да пробка была жуткая. Мы перефотографировали, что камера сняла... — Серж извлек из кармана пакет и высыпал фотографии на стол. — Вот, посмотрите, может, увидите, чего мы не заметили.

Феликс с непроницаемым видом принялся разглядывать снимки.

Серж тем временем с воодушевлением продолжал:

— Мы вчера всех, кого нашли, опросили и выяснили: девицу эту подобрал мужик в белом то ли плаще, то ли пиджаке и увез на своем BMW. Короче, детектив, вы нам разыщите того мужика в белом, а мы с ним уже сами общаемся. Бабло, говорю, не вопрос.

Интересное получалось кино... Его нанимали разыскать... самого себя!

— Так вы, господин Муравьев, беретесь за дело?

— А вы уверены, что вам это действительно надо? Лично мне, как профессионалу, ясно: тот, кого заподозрили вы, киллером не является. Я потрачу время на розыски случайного человека, приведу его вам. Вы его порвете на кусочки, а убийца тем временем доберется до вас.

Серж и Гунча испуганно переглянулись.

Феликс понял: ему ничего не остается, как согласиться.

— Берусь, — ответил он, — только мне надо осмотреть место происшествия как можно скорее. Еду прямо сейчас.

Сергей широким жестом развел руки.

— Ехать никуда не надо. Мы все на видеокамеру сняли, на мобильники. Вот, любуйтесь...

Феликсу еще не доводилось видеть знаменитого особняка Бебриса. Перед его глазами предстало фешенебельное здание неоклассического стиля, отделанное мраморной плиткой, с колоннадой, барельефами, эркерами, ротондами. Настоящий дворец. Он начал закачивать снимки в свой компьютер и вдруг буквально обалдел — прямо на него, не мигая, смотрел вчерашний напарник Бебриса по бриджу: молодой мужчина с совершенно седыми волосами. Феликс сразу его узнал. Такого раз увидишь — никогда не забудешь. Представился он Виктором Крохиным.

В данный момент этот самый Виктор Крохин, пристально глядя на Феликса, пошевелил губами и тихо произнес:

— Вам чего, ребята? Уберите камеры! — закрылся рукой, повернулся спиной... и исчез из зоны видимости.

Феликс вернул его изображение, бормоча: «Не может быть...» Эти волосы... спина... плечи... характерный разворот...

— Этот человек, он кто?

— А, этот... — безразлично отреагировал Серж, — это новый телохранитель Бебриса. Он сначала не хотел с нами разговаривать. А когда мы сказали, что не верим в самоубийство, он и выдал про записку предсмертную. Потом пожал плечами и говорит: «Если у вас остаются сомнения, обратитесь к частному детективу. Хотите, дам визитку». Сунул вашу визитку и закрыл дверь у нас перед носом. Ну, мы связались кое с кем, выяснили про вас, и вот мы здесь. Вы должны его знать, раз у него ваша визитка. А мы его в первый раз видели... Так вы с ним знакомы или нет?

— Знаком. Его имя — Виктор Крохин. По крайней мере, так он представился мне вчера на чемпионате по бриджу. Он играл в паре с Бебрисом. Кстати, одет был в белый смокинг, как и половина участников турнира...

— Так значит, он никакой не телохранитель? — заорал Серж. — Жоржика придушил, а потом охранником прикинулся! Сам полицию вызвал и ментам лапши на уши навешал! И нас развел! Гунча, едем скорее брать этого борова! Подхватим по дороге наших пацанов с пушками!

На пороге он вдруг расшаркался:

— Детектив, вы зэ бэст! Сэнк ю вэри мач!

— Пойдите, господа! — властно повысил голос Феликс. — Остыньте. Я сейчас поеду на место происшествия. Если Крохин там — побеседую с ним. Если нет — попытаюсь проникнуть в дом. После свяжемся.

— Ладно, — решительно проговорил Серж. — Если он правда охранник, мы его сами допросим. А если он уже сбежал, тогда начнете его разыскивать — по бридж-клубу или еще как... Вам, как говорится, и карты в руки... Ехать вам незачем, вы и так, можно считать, свое дело сделали.

— Вообще-то, я так работать не привык... — проворчал Феликс. — По крайней мере, возьмите с собой мою камеру.

— Это еще зачем? — взбунтовался Серж.

— Место преступления для меня будете снимать, а я — просматривать в Интернете. Это мое условие, иначе считайте наш контракт недействительным.

— Ладно, как скажете, — смирился Серж, взял у Феликса из рук камеру и заторопился к выходу, кивнув напарнику: — Пошли, Гунча.

Глава вторая,

*в которой Феликс Муравьев
наблюдает убийство в режиме
реального времени*

...В дверях кабинета Феликса бесшумно, как обычно, возникла секретарша Татьяна.

— Ты и вправду зэ бэст, — произнесла она с улыбкой.

— Присаживайся рядом, — пригласил Феликс. — Сейчас я покажу тебе кое-что интересное.

Он пощелкал мышкой, и на дисплее компьютера возникли несколько видеок кадров: лицо Виктора Крохина, его спина, а рядом — снимки неизвестного в окне, того самого, которого он подозревал в подготовке взрыва в день свадьбы.

Татьяна заинтригованно поинтересовалась:

— А кто этот мужчина?

— Тебе тоже кажется, что это один и тот же человек? — живо подхватил Феликс.

— Это что, тест на внимательность? «Найдите десять отличий»? Конечно, это один и тот же мужчина, — Феликс молча уставился на нее, и она смутилась. — Я неправильно ответила?

— Пока неизвестно. Если правильно, тогда этот парень — наемный убийца. У тебя непредвзятый взгляд. Я же не показывал тебе до сих пор эти видеок кадры с моей свадьбы — с предполагаемым киллером. Предположим, это тест. Как бы ты стала доказывать идентичность личности?

— Наверное, по специальной компьютерной программе идентификации...

— Программе не хватает данных.

— Тогда... бертильонаж! — вдруг выпалила Татьяна. — Измерить голову и туловище, и, если размеры совпадут, факт идентичности можно считать доказанным!

— Хотя систему Бертильона отменили лет этак 90 назад, Валере Земянову я твою идейку подкину — он занимается делом о покушении на моей свадьбе. Сейчас с ним свяжусь.

Мобильный Земянова был отключен, в Управе сообщили, что он находится в местной командировке и сегодня уже не вернется на службу. Феликс послал эсмэску: «Валера, позвони, есть новая информация по нашему делу».

— Похоже, нам все равно придется самим разыскивать киллера, даже когда Валера подключится. А этот киллер, Танечка, очень непростой парень. Профессиональный игрок в бридж. И его даже легче будет найти, чем уличить.

— Но ты же — зэ бэст! — поддразнила его Татьяна, и в этот момент зазвонил мобильник Феликса.

Это была Гиена.

— Привет, Феликс! Уже знаешь про Бебриса?

— Про Бебриса — да. Но ты обещала сообщить, в какой палате журналистка.

— Какая еще журналистка?

— Та девушка, которую мы вчера ночью в Гайльэзерс определили. Я ошибся с номером ее профессии: не первая древнейшая, а вторая.

— Тогда все понятно. Она сбежала. Я только что выясняла.

— Час от часу не легче. Ты ездила на труп в Юрмалу?

— Ну, естественно.

— Что там?

— Смерть наступила в промежутке между 5:30 и 6:30 часами утра. Причина — асфиксия.

— Это правда, что он шею электрическим шнуром обмотал и, как флаг, на улицу себя вывесил?

— Именно так все и было. Удавился матерчатым шнуром. Следов насилия и борьбы не заметила...

— А катушку нашли? Инструменты?

— Катушка валялась рядом с радиатором, он просто отмотал шнур, не перерезая. Слушай дальше. Вскрытие показало разрыв сердечной мышцы. Так бывает, когда прыгают из окна: сердце разрывается прежде, чем тело разбивается об асфальт.

— Со второго этажа с петлей на шее?!
— Говорю, что видела. Я эксперт, а не аналитик. Кстати, а ты почему этим делом интересуешься?

— Профессиональная тайна.

— А, понятно... Кто-то из родственников или партнеров не верит в самоубийство. Какая-то из жен, наверное... Но там чистый суицид... Не веришь моим результатам — милости прошу в морг!

— Верю. Спасибо, Ванда. Увидимся.

— Подожди, ты не забыл про экспертизу медикамента, который обнаружил у горе-журналистки?

— Уже успела сделать?

— Психотропный препарат, скорее всего, местного производства. В народе называется «счастье».

— Я твой должник! Пока! — тяжело вздохнув, Феликс повернулся к Татьяне: — В баре «Наполионе» распространяют синтетический наркотик под названием «счастье». Возможно, там же его и изготавливают.

— Ничего себе... Есть доказательства?

— Скоро будут. Посмотри, пожалуйста, криминальные сводки за последний месяц и в Интернете — меня интересуют любые происшествия, связанные с психотропными препаратами, и вообще с наркотиками!

— А что, в больницу к журналистке уже не надо ехать?

— Ванда сказала, она сбежала. Я отдал ей на экспертизу капсулу, которую нашел у девушки в кармане одежды... Остальное ты уже знаешь. Информация нужна прямо сейчас.

Татьяна молча кивнула и вышла в приемную. Внезапно снова зазвонил мобильник.

— Господин Муравьев! — гундосил Серж. — Тут никого нету! Он смылся, этот бодигард фальшивый! Слиял! Теперь вы поняли, что это киллер и есть? Отыщите его как можно скорее!

— Сделаю все, что смогу. Сейчас еду в юрмальскую полицию, осмотрим вместе с ними здание.

— А сами не хотите осмотреть?

— Разве он не заперт?

— Только главный вход. Кстати, там опечатано полицией.

А на веранде двери нараспашку!

— Так что ж вы молчали?! Еду немедленно!

— Нет! Пока не надо!

— Тогда пройдите по всему дому с камерой, а я буду наблюдать в Интернете.

— Понял. Включаю...

— Вы вдвоем?

— Да, ребятам дали отбой.

— Будьте осторожны.

— Мы при пушках.

Феликсу понадобилась пара минут. На дисплее компьютера появилась роскошная веранда. Мраморная лестница с широкими ступенями... Зеркальная стена... Коридор, украшенный нишами, анфилада комнат с распахнутыми дверями... Нигде ни души.

— Откуда выбросился Бебрис?

— Его *выбросили!* Из гостиной...

— Двигайте сначала туда. Проверьте все стены и демонстрируйте мне каждую вещь.

«Наполионовцы» послушно исполняли все, что говорил им Феликс. Двигали мебель, простукивали обои, паркет... Нажимали кнопки пультов дистанционного управления.

— А что мы вообще ищем, детектив?

— Улики. Пока мне нечего предъявить киллеру.

— Не лучше ли сначала его найти? А то предъявлять улики-то некому... — проворчал Серж.

— Если не хотите помогать, — парировал Феликс, — справимся и без вас.

— Нет-нет, — перепугался Серж. — Я просто пошутил, рулите вы.

— В доме обязательно должны быть потайные двери, ходы. Вам точно известно, что Бебрис держал здесь деньги и драгоценности?

— Держал, только не говорил, где...

— Давайте осмотрим спальню.

Черное дерево, золоченые ручки мебели, кровавый бархат обивки и портьер, узорчатый толстый ковер, широкая кровать-ладя... На стене — цветная литография, вздыбленный конь, работа Роберта Лиладзе. Картина как-то криво повешена...

— Посмотрите за картиной — нет ли там сейфа?

— Стенка как стенка...

Через некоторое время на мониторе возникла ванная комната, облицованная черным кафелем.

— Нигде ничего, — снова послышался гнусавый голос Сержа. — Что теперь, детектив?

— Вернемся на первый этаж.

— Как скажете...

На дисплее компьютера вновь красовались застекленная веранда, лестница...

— Посмотрите, нет ли чего за зеркалами.

— Бери мобилу и тоже снимай, — велел Серж напарнику и направился с камерой вдоль стены.

Внезапно одно из зеркал на стене издало треск и начало, шипя, медленно отъезжать в сторону, открывая светлеющий на глазах проем... Туда и рухнул Серж лицом вниз. Потом что-то вспыхнуло, яркое, как при коротком замыкании, и связь прервалась.

Феликс вскочил из-за стола и бросился вон из кабинета, крикнув на ходу Татьяне:

— Я в Майори, в особняк Бебриса, звони мне на мобильник! Сиди на месте и никому не открывай!

Феликс мчался на скорости сто километров в час, совмещая управление автомобилем с сигаретой и попытками связи по мобильнику. Вскоре он дозвонился до юрмальской городской криминальной полиции и разыскал капитана Петра Сенина, старшего следователя, чтобы сообщить о преступлении, совершенном прямо у него на глазах.

— О! — услышал он знакомый голос. — Чем обязаны?

— Петр, в твоём городе — сенсационное преступление. Только ты его сможешь раскрыть. Это связано с убийством Бебриса...

— Самоубийством, — поправил Феликса Сенин.

— Суди сам. Сегодня утром в мое агентство явились двое парней, работавших на Бебриса в его баре «Наполионе», чтобы заказать мне розыски его убийцы. Сергей Манюхин и Гунтис Озол. У них были веские основания не верить официальной версии. Узнав про смерть Бебриса, они сразу же отправились в Юрмалу. Калитку нашли незапертой. Двери черного хода открыл незнакомый человек, которого они приняли за нового телохранителя Бебриса, поскольку им было известно, что прежний, Андрей Малов, собирался покинуть своего хозяина. У них с собой были мобильники с видеокameraми, и они успели зафиксировать его

облик. У меня в офисе мы рассмотрели эти записи на дисплее. На снимке я узнал мужика, с которым меня вчера познакомил Жорж Бебрис как со своим партнером по бриджу. Это произошло в отеле «Дзинтари», на чемпионате. В результате мои клиенты заподозрили, что этот парень вовсе не тот, за кого они его приняли. И что, возможно, именно он является убийцей не только их босса, но и его телохранителя, Андрея Малова. Поскольку на звонки тот не отвечает, и дома его нет.

— Я сейчас усну от скуки. Все это фуфло и есть твоя сенсация? — перебил Феликса Сенин. — Ты говоришь про Виктора Крохина, который позвонил в полицию, встречал нас и давал письменные объяснения? Он не телохранитель, а инструктор Бебриса по бриджу. Правда, в этот вечер он получил от Бебриса подобное предложение и обещал подумать. Это я вместе с ним находился в доме. Ожидал, пока приедет Мариэтта Бебрис, бывшая жена Жоржа, чтобы опознать труп и Крохина. Кстати, я сам его обыскивал, при нем даже не было оружия.

— А дом Бебриса ты обыскивал?

— Ну?

— Нашел его ключи?

— Нет. К чему ты клонишь? Мы вызывали слесаря, чтобы сделать слепки.

— А у Крохина были ключи?

— Не было при нем никаких ключей. И документы его в полном порядке. Проживает в Риге вместе с матерью, утверждает, что зарабатывает на жизнь как инструктор по бриджу и платный партнер. Индивидуальная деятельность, правда, не оформлена, но это не наши проблемы — налоговой. Мариэтта Бебрис признала Крохина, и у меня нет никаких оснований его подозревать.

— А почему вы не опечатали вход со двора?

— Я лично опечатывал, своим личным клеймом... Сам закрывал.

— А как он вообще оказался в доме у Бебриса?

— Я вовсе не обязан тебе это докладывать, — с иронией заметил Сенин.

— Конечно, не обязан. Я просто рассчитывал на твою великодушность...

— Ну, тогда слушай. Вчера вечером после чемпионата по бриджу Бебрис пригласил Крохина к себе на виллу отметить

выигрыш. Они посидели у него в гостиной, выпили. Бебриса развезло, и он стал откровенничать про свои любовные неудачи. Кстати, про несчастную любовь к своему телохранителю. В записной книжке мобильного Бебриса он проходит под именем «Андрюшенька». Видимо, тот просто удрал — не выдержал натиска. Когда хозяин предложил Крохину заночевать у него в доме, якобы чтобы тот не садился за руль выпившим, он вежливо отказался и ушел, решив отправиться домой на такси. Добрался пешком до стоянки, но там не было ни одной тачки. Вернулся к своему «фольксвагену», увидел этот ужастик и сразу вызвал полицию.

— А тачку его ты не обыскал?

— Зачем?

— Нашел бы ключи. Уверяю тебя, Виктор Крохин — киллер!

Итак, Сергей и Гунтис бросились в Юрмалу выяснять отношения с мнимым телохранителем, но того уже след простыл. Они связались со мной и попросили срочно его найти. Когда я выразил желание тотчас же прибыть на место, уговорили не делать этого и взялись обеспечить мне немедленный осмотр места происшествия — в Интернете с помощью GP-камеры... Прошлись по всему дому и поначалу ничего похожего на улики не обнаружили. На веранде у Бебриса — стена из зеркал. Мне пришлось в голову: а не скрываются ли за ними потайные помещения? Мои клиенты стали проверять эту догадку, и вдруг я вижу: одно из зеркал отъезжает в сторону, а Сергей в ту же секунду валится в открывшийся проем. Раздается вспышка, и связь прерывается.

— Ты слышал выстрел? Видел Крохина?

— Нет. Не видел. И выстрела не слышал. Но мог же у него быть глушитель... К несчастью, я не успел сохранить ни одного изображения, но если ты поторопишься, сумеешь раскрыть преступление по горячим следам! Даже два, а то и все три... Да нет, четыре — я же про наркотики не успел рассказать! По ходу дела я выяснил, что Бебрис связан с распространением наркотиков. Видимо, с изготовлением тоже...

— Ладно. Уже еду. Встретимся у Бебриса, там составим протокол. Адрес знаешь?

— Знаю, знаю. Скоро буду на месте.

Глава третья,

*в которой Феликс вновь
проигрывает Большой шлем*

...Петр Сенин, субтильный брюнет с шафрановым загаром, истошно-голубыми глазами и не по возрасту гладкой физиономией, мнивший себя красавчиком, стоял в раскрытых воротах особняка Бебриса с сигаретой во рту, вальяжно изогнув спину. На нем были джинсы и стильная черная рубашка с неподражаемой эмблемой Версаче.

Феликс припарковал свой BMW прямо на улице, рядом с белым полицейским «фордом». Выскочил, заметив за рулем «форда» курящую молодую женщину в форме сержанта полиции, с веселыми веснушками на курносом лице, учтиво ей поклонился, успел подумать: «Вот оно, женское равноправие и свобода во плоти». Дошагал до следователя, протянул ему руку:

— Здравствуй, Петя, рад тебя видеть...

Следователь сегодня явно погорячился со своей летней одеждой — вчерашние надежды на устойчивое тепло не оправдались, температура воздуха не превышала четырнадцати градусов. К тому же здесь, на берегу залива, холодный ветер особенно сильно пронизывал. Феликс даже в костюме сразу это ощутил.

Бывший коллега проигнорировал руку Феликса и, злобно усмехаясь, процедил сквозь зубы:

— Ну и шуточки у вас, господин граф! Первого апреля вам, наверное, цены нет...

— Ты фильтруй, капитан! Мне бы в голову не пришло шутить такими вещами. Киллер исчез? Было бы чудом, если бы он стал нас дожидаться...

Феликс был выше ростом, поэтому, пока извлекал из кармана фотографию Виктора Крохина, легко рассмотрел, что двери веранды стояли плотно запертыми.

— Вы уже успели закончить осмотр места преступления? — не стал скрывать он своего удивления. — Вот это оперативность! Поздравляю. Я добирался всего двадцать минут...

— Оставь при себе свои комплименты, — сердито проворчал Петр. — Что это ты мне суешь?

— Это свежее фото Виктора Крохина. Экономлю твое время. Кстати, Ванду Заблецку ты вызвал?

Сенин загасил окурок о металлический прут ограды и в сердцах швырнул его в почтовый ящик:

— Ладно, Феликс, хватит. Поехали в отделение. Разбираться с твоими бреднями.

— А тела... разве тела уже успели увезти? Камеры моей не нашли?

— Я не знаю, господин Муравьев, какую роль вы сейчас передо мной разыгрываете и чего добиваетесь, — желчно проговорил следователь, — но я вам в последний раз заявляю: никаких тел, никаких таинственных дверных проемов я не обнаружил. И никаких камер тоже.

— А ключей? Выброшенной связки нигде не было поблизости?

— Не было.

— А камера видеонаблюдения? Не проверяли?

— Нет, ждали вашего напоминания! — он выдержал паузу и снова злобно усмехнулся: — Вам, детектив, наверное, пора лечиться. Это бывает с частными сыщиками — паранойя. Профессиональное заболевание.

Феликс возмутился и тоже перешел на «вы»:

— Это неслыханно, господин Сенин! Я заявил вам о двойном убийстве, которому сам был свидетелем. О преступлениях, про которые мне стало известно в связи с моей профессиональной деятельностью: целый ряд убийств, изготовление и распространение синтетических наркотиков, вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией. Я требую немедленного расследования. Иначе я сообщу вашему начальству, что вы намеренно скрываете улики!

Феликс знал, на что нажимал. Всем было известно: в таможенном прошлом Сенина за ним водились грешки. Ему, правда, удалось отмазаться и уволиться по собственному желанию, но теперь приходилось лезть из кожи вон, чтобы завоевать репутацию на новой должности...

Он с ненавистью прищурился:

— Ладно, извольте. Полюбуйтесь. Только потом сами ответите за базар.

— За базар отвечу, — охотно согласился Феликс.

Следователь быстро двинулся по крытой галерее с античными статуями, Феликс поспешил следом. На зеркальной веранде было

пусто. Все стояло на прежних местах. Феликс подошел к пятому по счету зеркалу:

— Вот это зеркало отъезжало. За ним находятся какие-то тайные помещения. Наверное, киллер успел затащить туда тела и скрыться... Давайте поищем, какая из плиток пола скрывает пусковой механизм. Или попробуем разбить зеркало, так будет быстрее...

— Погром учинять будете только через *мой* труп, — решительно возразил капитан Сенин. — Довольно. Поиздевались над нами, и хватит. Попрошу к выходу!

— Но ведь печать была сорвана!

— Я сейчас Интерпол по этому поводу вызову!

— А камера наблюдения? Здесь должно быть помещение с охранным оборудованием. Неужели нет?

— Феликс, мое терпение имеет границы. В помещении охраны не обнаружено ни одной записи и ни одной кассеты. Камеры наблюдения не имеется вовсе. Все, больше никаких вопросов и возражений, иначе сами окажетесь за решеткой!

Оснований не верить угрозе бывшего коллеги у Феликса не имелось. Он потащился на своем автомобиле следом за «форд» с «эмансипацией во плоти» за рулем, в юрмальское отделение криминальной полиции — писать заявление. Петр Сенин больше общаться с ним не желал — скинул его дежурному.

«А вдруг и правда не было никаких трупов? — подумалось Феликсу на обратном пути. — И Виктор Крохин вовсе не убийца по найму...» У него все еще звучал в ушах гнусавый голос Сержа и сильные матюки Гунчи, и ему самому с трудом верилось, что тех уже нет в живых.

Он позвонил в офис:

— Танечка, меня кто-нибудь искал?

— Нет. Никто. Скажи, что случилось?

— Приеду — расскажу. А ты пока найди телефон бара «Наполионе» и попробуй отыскать наших клиентов.

По дороге в офис Феликс успел дозвониться до Мариса Кисиса и попросил его пробить ему по информационным системам две личности: Виктора Крохина и Андрея Малова.

Танечка в нетерпении бросилась ему навстречу из-за своего стола:

— Поймали киллера?

— Ушел. И мне не поверили...
— И ты поэтому такой хмурый?
— Что с баром «Наполионе»?
— Там телефон не отвечает. Что, что случилось? — в тревоге повторяла секретарша.

— Сделай мне, пожалуйста, кофе, и тогда поговорим, — попросил Феликс и прошел в кабинет. Уселся за компьютер, достал сигарету из-под резинки портсигара, закурил глубокими затяжками. В ожидании кофе и информации от Мариса отыскал в Интернете архитектора-лауреата — его звали Артур Кошечкин — и принялся набрасывать «план розыскных мероприятий».

Явилась Татьяна с подносом, поставила перед ним чашку с рыжей пенкой.

— Присаживайся, Танечка. У нас проблемы. Наши клиенты мертвы.

Татьяна ахнула, испуганно расширила глаза:

— Как? Почему?

— Хотел бы и я это знать — как. А причина проста: они обнаружили тайное убежище киллера. Только заметить его самого я не успел. Это случилось, когда они демонстрировали мне на нашем «сеансе видеоигры» свою «операцию «Поиск» в особняке Бебриса. Я видел, как внезапно упал Сергей Манюхин. И связь прервалась. Я не успел сохранить ни одного кадра. Бросился на место, по дороге уговорил Петра Сенина — ты знаешь, из юрмальской полиции — приняться за расследование. Мы осмотрели здание, никого и ничего не обнаружили. Надо было разбить одно зеркало с секретом, но Сенин не позволил и прервал наше краткое сотрудничество.

Татьяна слегка покраснела и смущенно произнесла, помяв в ладони невесть откуда взявшийся вышитый носовой платочек с кружавчиками:

— А почему *мы* не прекращаем розыски, если клиенты мертвы? Отчитываться-то некому...

— А что, у нас в договоре есть такой пункт?

— Нет. Но это же форс-мажор! Пусть его полиция ищет. Любой юрист скажет: это обстоятельства непреодолимой силы, — с апломбом студентки-третьекурсницы упрямо настаивала Танечка.

— Ты полагаешь, я способен получить полную предоплату за расследование и со спокойной душой тратить деньги, зная, что где-то рядом разгуливает безнаказанный убийца?

Она пристыженно зарделась:

— Это серьезный аргумент...

— Между прочим, об оплате: ты проверяла доллары на тестере?

— Конечно. Настоящие. Одной серии. Я всегда переписываю номера и проверяю. А эти даже в банк носила на всякий случай. Кстати, ты просил найти информацию в Интернете, и я кое-что нарыла, только не по той теме. Рассказывать или сделать распечатку?

— Давай рассказывай.

— Я наткнулась на сообщение о происшествии на улице Весетас, 18. В эту субботу там во дворе в трейлере обнаружили пострадавшего от ядовитого газа и еле его спасли. Угадай с трех раз, кто его обнаружил?

— Ты назвала адрес Варвары Лагиной. Держу пари, это она...

— Один-ноль в пользу знатоков!

— Надеюсь, с ней все в порядке?

— Абсолютно. Я с ней уже связалась. Она просила тебя ей позвонить, когда освободишься.

— Хорошо. Молодец. Происшествие в доме Варвары Лагиной, говоришь? Это же район Мариса!

Феликс набрал номер своего друга:

— Господин Кисис? Что за ЧП происходят в вашем районе?

— Что, уже прочитал статью Лизы Сидоровой?

— Я о субботнем происшествии в Варваринном дворе. Нашел информацию в Интернете.

— Ну да. Там один твой коллега — из России — проводил свое расследование. Установил трейлер с подслушивающим устройством. И в этом трейлере чуть не очурился — кто-то пытался травануть его газом «черемуха». Варвара его успела раньше службы спасения вытащить на воздух. Самое интересное — микрофоны нашли у нее в квартире.

— Надеюсь, она не в числе подозреваемых?

— Я тоже надеюсь, но ничего больше сказать не могу — расследованием занимается полиция безопасности. Нам они, сам понимаешь, не отчитываются. Варвара знает больше меня — у нее спроси.

— Еще нет результатов по Малову и Крохину?

— Как только будут — пришлю SMS.

— Спасибо, жду.

Феликс позвонил Варваре, беспокоясь, не начала ли она сама заниматься расследованием. С нее станется! Но Варвара уверила его, что на сей раз все иначе.

— А что так? — удивился сыщик. — Ты не заболела?

— Здоровенька... Если не считать спины. Уж очень тяжелый был товарищ из трейлера.

— И тебе совсем не любопытно, что у тебя пытались выведать таким дремучим способом?

— Спасибо, что не новомодным — с помощью утюга, — мрачно пошутила Варвара и добавила: — Любопытной Варваре... уже все, что можно, оторвали.

— Ты меня пугаешь. Объясни, что случилось?

Варвара угрюмо отчиталась:

— Пострадавший из трейлера оказался моим давним знакомым. Его увезли в больницу. Я помчалась к нему, чтобы побыстрее выяснить, на каком я свете, но он сбежал из палаты. Вот... Однако он все-таки успел испортить мне жизнь — позвонил на мобильный и сообщил, что к этим событиям как-то причастен лучший друг Аркадия, Дин Торкач. Когда я попыталась предупредить Аркадия, он не захотел меня слушать и... оборвал наши отношения. Так что если ты интересуешься этим происшествием...

— Я интересуюсь твоей безопасностью. Ты, главное, не переживай. Все наладится, вы помиритесь. Таких женщин, как ты, не бросают...

— Ага... Все так говорят. Да я уже не переживаю. Жизнь продолжается. Ты не забыл, что у меня сегодня ужин в честь открытия выставки Ляли и Роберта Лиладзе? Жду вас с Норой в семь.

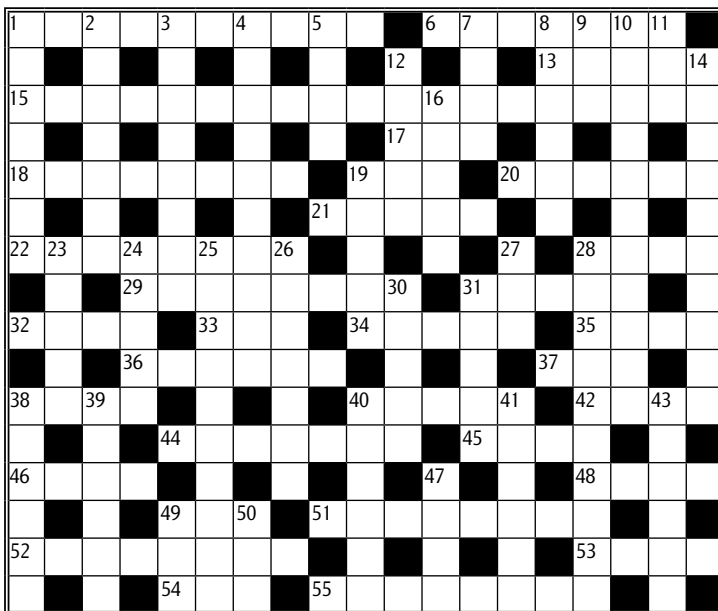
— Я постараюсь. Но не знаю, как получится... Извини заранее.

Положив трубку, Феликс позвал Татьяну:

— Я еду в Юрмалу, к последней жене Бебриса. По дороге навещу бар «Наполионе» — я должен окончательно убедиться, что наших клиентов нет на их рабочих местах. Пусть все перезванивают на мобильный. Сиди здесь, никому не открывай! Если станет страшно, отправляйся домой.

— Страх — это часть моей профессии! — бодроотреагировала секретарша детектива. ■

Продолжение следует.

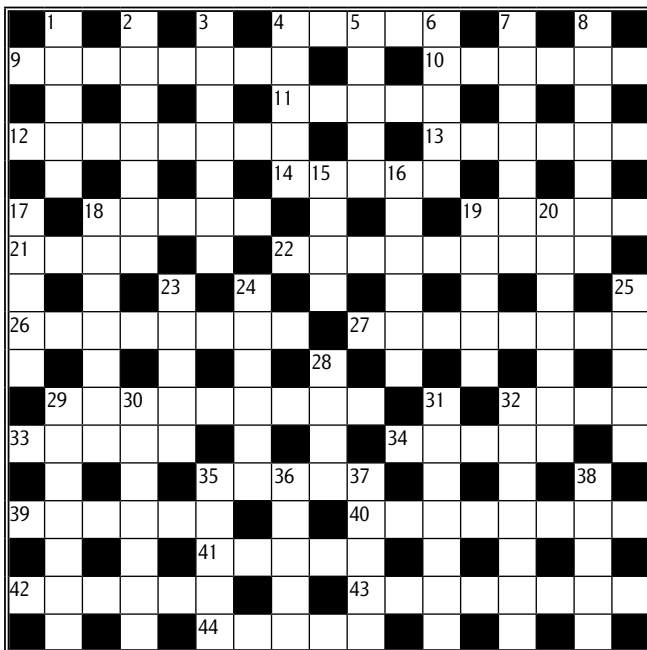
По горизонтали: 1. Состояние народа, удобное власти. 6. Родственник, о сне которого Ф. Достоевский написал повесть. 13. «Живописный» памятник ушедших цивилизаций. 15. Мизантроп. 17. Ветви в воду опустила и о чем-то загрустила. 18. Русский летчик, первым «завязавший» «мертвую петлю». 19. Рыбий «аппетит». 20. «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная!». 21. Фрукт, давший прозвище некоторым латиноамериканским странам. 22. Родственник адыгейца и черкеса. 28. «... наш». 29. Итальянский художник эпохи Возрождения. 31. Точка, какую не минует диаметр. 32. Активная сестра Везувия. 33. Лосось, нагуливающий вес в озёрах, а нерестящийся в реках. 34. Самый редкий на Земле химический элемент. 35. Деловой центр Лондона. 36. Их можно растряссти. 37. Значимость авторитета. 38. «За облаками — ...» 40. Кладбищенская недвижимость знатных и богатых. 42. В косе у первоклассницы. 44. Ягода. 45. Человек в объятиях Морфея. 46. Разящее оружие осы. 48. Ахиллесова пята царя Дадона. 49. У Тургенева — Муму, у Чехова — Каштанка, у Троепольского — ... 51. Итальянский драматург, написавший 267 пьес. 52. Механическая дрожь. 53. «Путеводитель» Тесея. 54. Сын Ноя. 55. Рост цены товара на пути от производителя к прилавку.

По вертикали: 1. Ремонт, исправление. 2. Транспорт для младенца. 3. Команда «... направо». 4. Наитие, просветление мысли. 5. Неподъемный зонт. 7. ... желудка. 8. Актер, сыгравший Остапа Бендера в фильме «Золотой теленок». 9. Умный дурак. 10. «Закадренная» женщина. 11. Древняя столица Армении. 12. Объединение, союз. 14. М. Волошин как художник. 16. Время полного цейтнота на корабле. 19. Она мучит в пустыне. 23. Оно определяет сознание. 24. «Не нужны почести, не нужно ... мне» (Е. Баратынский, из поэмы «Воспоминания»). 25. Каждый женский персонаж в пьесе М. Горького «На дне». 26. Сказочный эквивалент двух коней. 27. Русский поэт. 28. Слова, вставляемые в чужую речь при ее передаче. 30. Трава с «зелеными лезвиями». 31. Гофмановский Крошка. 38. Цель барышника. 39. Гоголевский герой, погубленный люлькой. 40. Разборка без кровопролития. 41. Возвышение, сколоченное из досок. 43. Недуг тургеневского Герасима. 47. Безухов. 49. Немецкий композитор, отец множества произведений и 20 сыновей и дочерей. 50. «Немой» клоун.

Ответы на кроссворд, напечатанный в №10

По горизонтали: 1. Оккультист. 10. Квази. 11. Яство. 12. Наличность. 14. Оно. 15. Кир. 16. Валет. 17. Триолет. 22. ... Иов. 23. Церемония. 25. Рейн. 27. ... коп. 28. Гуляш. 31. Жлоб. 33. Широта. 36. Сопереживание. 38. Нутрия. 40. Метр. 41. Амьен. 42. Истома. 43. Носок. 44. Зевс. 45. Ерник. 46. Никола. 47. Чай. 48. Нрав.

По вертикали: 1. Окно. 2. Квант. 3. Калорийность. 4. Узи. 5. Личков. 6. Творец. 7. Сито. 8. Эскалоп. 9. Аврелий. 13. Нил. 18. Ион. 19. Телятевский. 20. Хек. 21. ... дружина. 24. Мотив. 26. Фузея. 29. Моне. 30. Гаер. 32. Борение. 33. Шиворот. 34. Рамазан. 35. Титовка. 37. Пинок. 39. Умора. 42. Иона.

По горизонтали: 4. Композитор, автор оперы «Ямщики на подставе».

9. Прозвище В. Огнь-Догановского и Л. Жемчужникова, которым А. Пушкин проиграл 25 тысяч рублей. **10.** Самоцвет. **11.** Священник, из трех книг которого канонической в Библии считают только первую. **12.** Писатель, в котором В. Гаршин видел «Флоберова раба». **13.** Кочевник от Белого Гребешка. **14.** Самая большая поганка. **18.** Современное название Дагомеи. **19.** Счастье Золушки. **21.** Эмблема фараона, используемая масонами. **22.** Литераторы, кого М. Волошин называл «прелюбодееми слова».

26. Русская поэтесса, чрезмерно любившая тире. **27.** «... матушки Антони» — картина О. Ренуара. **29.** Французский писатель, сказавший: «Это извечное обыкновение: тот, у кого власть, склонен злоупотреблять ею». **32.** Весы, на которых взвешивали золотые монеты. **33.** Продукт труда, имеющий стоимость. **34.** «Крайняя форма порабощенности и порабощения человека» (Н. Бердяев). **35.** Писатель, чья «Тошнота» — роман без начала и конца. **39.** Титул Веллингтона. **40.** Чаша на изображениях Понтия Пилата, умывающего руки. **41.** Плетеная обувь из лыка. **42.** Город на возвышенности Ергени. **43.** ... разоряет купцов, но украшает город (восточное изречение). **44.** Немецкий публицист и поэт, служивший офицером в русской армии.

По вертикали: 1. Злой гений России, фаворит Анны Иоанновны. 2. Псовый охотник. 3. Сода в производстве мыла. 4. Фиолетовая куртка Г. Якулова. 5. Титул старшей дочери короля в дореволюционной Франции. 6. Новозеландский ученый, борец за равноправие маори. 7. Грузинский щипковый инструмент. 8. Та или иная возможность. 15. Меркурий, «переехавший» в Скандинавию. 16. Крокодил, названный по индийскому глиняному горшку. 17. Старинное название левой руки. 18. Ботаник, автор первого русского учебника «География растений». 19. Участок железной дороги, обслуживаемый приписанными к нему локомотивами. 20. Область в Малой Азии, чью столицу жители сожгли сами при осаде ее полководцем Пердикком. 23. «Акрополь Франции» (О. Роден). 24. Священная книга зороастризма. 25. Лесная птица. 28. Валюта Мьянмы. 29. Итальянская актриса, снимавшаяся в фильмах Л. Висконти. 30. Цветок, соком которого Гиппократ лечил злокачественные опухоли. 31. Сельская община в Белоруссии и на Украине до начала XX века. 32. Старинное название папируса, от которого произошло название Книги книг. 35. Порча. 36. Сорняк с колючими головками. 37. Поле, с которого убрана одна из зерновых культур. 38. Игра, часто изображаемая на картинах П. Брейгеля.

Ответы на эрудит, напечатанный в № 10

По горизонтали: 1. Махаон. 6. Пушбол. 10. Фауст. 11. Нимфея. 13. Шабрие. 14. Прапорщик. 15. Илир. 17. ... киан. 18. Цепеш. 21. Роман. 22. Ней. 23. Тегеран. 24. Воз. 26. Тырса. 27. Шакал. 28. История. 29. Рожер. 31. Щегол. 33. Кид. 34. Гипофиз. 36. Тюк. 38. Вечер. 39. ... черти... 41. Фтор. 44. Оски. 45. Малагенья. 47. Джигит. 48. Ешбаал. 49. «Юдифь». 50. Альпак. 51. Кассия.

По вертикали: 1. Менгир. 2. Хемницер. 3. Оцеп. 4. Сампо. 5. Астра. 7. Урак. 8. Барвинок. 9. Лиерна. 12. Ярвет. 13. Шифон. 16. Рейсфедер. 17. Кавалетто. 19. Шекспир. 20. Сенокос. 21. Родимич. 22. Нырок. 25. Замок. 30. Живопись. 32. Гюисманс. 34. Гекат. 35. Зелье. 37. Эфедра. 40. Библия. 42. Гайдн. 43. Верфь. 45. Мина. 46. Яшма.

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплате квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 60 руб., на 3 месяца – 180 руб., на 6 месяцев – 360 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

А также вы можете подписаться на журнал «Смена» и «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» в любом отделении почтовой связи.

<p>Каталог «Газеты Журналы Агентства «Роспечать»</p>		<p>Индекс 84630 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 70820 – подписка на журнал «Смена» Индекс 33233 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Льготный индекс 33234 (для постоянных подписчиков) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>Каталог Российской прессы «Почта России»</p>		<p>Индекс 16746 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 99406 – подписка на журнал «Смена» Индекс 11602 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Льготный индекс 11578 (для подписавшихся в 2010 году) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>Объединенный каталог «Пресса России»</p>		<p>Индекс 87805 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 88998 – подписка на журнал «Смена»</p>

« Виктор поехал на Лиговку, где в гостинице «Октябрьская» Рада снимала помещение для своего офиса. На стук никто не отозвался, и дежурная, зная Виктора, дала ему запасной ключ. В номере все было перевернуто. Истерзанное до неузнаваемости тело Рады уже окоченело... Виктор вышел из номера совершенно седым. В двадцать пять-то лет...»

Людмила Кушпель «Презентация убийства»

« До конца жизни Петр помнил, как взобравшиеся на крыльцо страшные бородачи оттолкнули патриарха и матушку, отпихнули царевича Иоанна, а его самого отшвырнули в сторону, как котенка. Как полетели вниз на стрелецкие пики Матвеев, Долгорукий, кто-то из Нарышкиных. Помнил рев «Любо! Любо!» и толпу, разбежавшуюся по дворцу в поисках новых жертв...»

Светлана Бестужева-Лада «Петровские хроники»

« Обычно в искусстве бывает так: великий художник, написав портрет какой-то женщины, увековечивает этим ее имя. В данном случае все иначе – несомненно талантливый, но далеко не гениальный художник остался в памяти людей благодаря своей модели. Художника звали Джордж Ромни, а его модель – леди Гамильтон.

Ирина Опимах «Джордж Ромни и леди Гамильтон»

« К сожалению, мы последнее поколение с русской душой и любовью к России. А новое... Да, у них русские корни, но они не носят, как мы, Русь в себе...»

Денис Логинов «Несущие Русь в себе...»